

В. Ф. РАЕВСКИЙ

И книгу Клии открывал,
дыша к земле родной любовью...

СТИХОТВОРЕНИЯ

МБУК «ЦБС № 2» Губкинского городского округа
Краеведческий сектор

И книгу Клии открывал,
дыша к земле родной
любовью...

Троицкий 2017

ББК 84 (2Рос=Рус)1

Р 16

Р 16 Раевский В.Ф. И книгу Клии открывал, дыша к земле родной любовью... : стихотворения / В.Ф. Раевский / МБУК «ЦБС № 2» Губкинского гор. окр., краевед сектор; сост. : Р. Лысых, Т. Афанасьева ; отв. за вып. Н. А. Юханова. – Троицкий, 2017. – 123 с.

ББК 84 (2Рос=Рус)1

© МБУК «ЦБС № 2» Губкинского городского округа, 2017

СТИХОТВОРЕНИЯ 1810 – 1821

ПЕСНЬ ВОИНОВ ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ	3
ПЕСНЬ («ПОЛНО ПЛАКАТЬ И КРУЧИНИТЬСЯ...»)	6
ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ЮНОШИ	7
КНЯЗЮ АНДРЕЮ ИВАНОВИЧУ ГОРЧАКОВУ	9
ПОСЛАНИЕ К НИКОЛАЮ СТЕПАНОВИЧУ АХМАТОВУ	10
ОДА ДРУГУ	13
ПОСЛАНИЕ ДРУГУ	14
К МОИМ ПЕНАТАМ.....	19
МОЕ ПРОСТИ ДРУЗЬЯМ (ИСЛОВСКОМУ И ПРИКЛОНСКОМУ). 21	
ПОСЛАНИЕ ПЕТРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ПРИКЛОНСКОМУ	26
Г. С. БАТЕНЬКОВУ («ХОТЯ ГЛАС ДРУЖЕСТВА МОЛЧАНЬЮ ТВОЕМУ...»)	28
ПОСЛАНИЕ Г. С. БАТЕНЬКОВУ («КОГДА НАД РОДИНОЙ МОЕЙ...»)	30
НЕПОРОЧНОСТЬ ЛЮБВИ (ИДИЛЛИЯ)	33
ШАРЛОТЕ	34
ЕЙ ЖЕ («О, ЕСЛИ И ТЕБЕ НАЗНАЧЕНО СУДЬБОЮ...»)	35
«ОТ РАННЕЙ ЮНОСТИ Я ЖРЕБИЙ МОЙ ПОЗНАЛ...»	36
ИДИЛЛИЯ («КАК МОЖНО СВОБОДУ НА ЦЕПИ МЕНЯТЬ?...»)	38
«ТАК ЛОЖНОЮ МЕЧТОЙ ДОСЕЛЕ ОСЛЕПЛЕННЫЙ...»	44
МЕНАЛК ЭКЛОГА	44
ПЕСНЬ ПРИРОДЕ.....	46
СЕТОВАНИЕ	46
РОПОТ	47
К СЕЛЬСКОМУ УБЕЖИЩУ	48
ОСЕНЬ ИДИЛЛИЯ	50
«НЕТ, НЕТ, НЕ ИЗМЕНЮСЬ СВОБОДНОЮ ДУШОЮ...»	52
«О МИЛАЯ, ПРОСТИ МИНУТНОМУ СТРЕМЛЕНИЮ...»	52
ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИО	54
БЕСПЛОДНАЯ ЛЮБОВЬ	62
ПУТЬ К СЧАСТЬЮ	65

ЭЛЕГИЯ I («РАЗДАЛСЯ ЗВОН ГЛУХОЙ... Я СЛЫШУ СКОРБНЫЙ ГЛАС...»)	68
ЭЛЕГИЯ II («ШУМИТ ОСЕННИЙ ВЕТР, ДОЛИНЫ ОПУСТЕЛИ!...»)	70
(ПОДРАЖАНИЕ ВОЛЬТЕРУ)	72
САТИРА НА НРАВЫ	74
ОТРЫВОК («ТАМ ДАЛЕЕ: ПРОВИНЦИАЛ МИНОС...»)	76
ОТРЫВОК («БЕЗУМЦЫ, ОГРАДЯСЬ ОБРЯДАМИ, МОЛЬБОЙ...»)	79
КАРТИНА БУРИ	79
К МОЕЙ СПЯЩЕЙ	80
ПЕСНЬ НЕВОЛЬНИКА	82

ТЮРЕМНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1822 – 1824

К ДРУЗЬЯМ В КИШИНЕВ	83
ПЕВЕЦ В ТЕМНИЦЕ	88
НА СМЕРТЬ МОЕГО СКВОРЦА	92

СТИХОТВОРЕНИЯ ПЕРИОДА ССЫЛКИ 1828 – 1846

ПОСЛАНИЕ К К...НУ	94
«НЕ С БОЛИЮ, НО С РАДОСТЬЮ ДУШЕВНОЙ...»	106
ПРЕДСМЕРТНАЯ ДУМА («МЕНЯ ЖАЛЕТЬ?... О ЛЮДИ, ВАШЕ ЛЬ ДЕЛО?...»)	111
«МОЙ МИЛЫЙ ДРУГ, ТВОЙ ЧАС ПРОБИЛ...»	112

СТИХОТВОРЕНИЯ 1812–1821

ПЕСНЬ ВОИНОВ ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Заутра грозный час отмщенья,
Заутра, други, станем в строй,
Не страшно битвы приближенье
Тому, кто дышит лишь войной!..
Сыны полуночи суровой,
Мы знаем смело смерть встречать,
Нам бури, вихрь и хлад знакомы.
Пускай с полсветом хищный тать
Нахлынул, злобой ополченный,
В пределы наши лавр стяжать;
Их сонмы буйные несчетны,
Но нам не нужно их считать.
Пусть старец вождь прострет рукою
И скажет: «Там упорный враг!»
Рассеем громы пред собою –
И исполин стоглавый – в прах!..

Сей новый Ксеркс стопою силы,
Как огонь всежгучий, к нам притек
Узреть Батыевы могилы,
Сарматов плен и шведов рок,
Узреть поля опустошенны,
Праха мирных сел и городов,
И небо, заревом возжженно,
И вокруг – изрытый ряд гробов,
А пред собой – перуны мести

И твердокаменную грудь
С хоругвью: «Смерть на поле чести
Или свершим опасный труд».
Ужель страшиться нам могилы?
И лучше ль смерти плен отцов,
Ярем и стыд отчизны милой
И власть надменных пришлецов?
Нет, нет, судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить.
Мила за родину могила,
Без родины поносно жить!
Пусть дети неги и порока
С увялой, рабскою душой
Трепещут гибельного рока,
Не разлучимого с войной,
И спят на ложе пресыщенья,
Когда их братья кровь лиют.
Постыдной доле их — презренье!
Во тьме дни слабых протекут!
А нам отчизны взор — награда
И милых по сердцу привет,
Низвергнем сонмы супостата,
И с славой нам воспещет свет!..
Краса певцов, наш бард любимый,
Жуковский в струны загремит,
И глас его непобедимых
Венком бессмертья отличит.
И юный росс, приникший слухом
К его цевнице золотой,
Геройским вспыхивает духом
И, как с гнезда орел молодой,
Взлетит искать добычи бранной
Вослед испытанным вождям...

О други! близок час желанный
И близок грозный час врагам, –
Певцы передадут потомству
Наш подвиг, славу, торжество.
Устроим гибель вероломству,
Дух мести – наше божество!

Но, други, луч блеснул денницы,
Туман редет по полям,
И вестник утра, гром, сторицей
Зовет дружины к знаменам.
И мощный вождь перед полками
И с ним вождей бесстрашных сонм
Грядут!.. с победными громами
И взором ищут стан врагов...
К мечам!.. Там ждет нас подвиг славы,
Пред нами смерть, и огонь, и гром,
За нами горы тел кровавых,
И враг с растерзанным челом
В плену ждет низкого спасенья!..
Труба, сопутник наш, гремит!..
Друзья! В пылу огней сраженья
Обет наш: «Пасть иль победить!»

ПЕСНЬ («Полно плакать и кручиниться...»)

Полно плакать и кручиниться,
Полно слезы лить горячие:
Честь и родина любезные
Мне велят с тобой не видеться.

О девица, о красавица,
Осуши слезу горячую,
Дай прижать тебя к груди моей!

В поле знамя развевается,
И товарищи любезные
С кликом радостным волнуются
В ожиданьи время бранного.

О девица, о красавица,
Осуши слезу горячую,
Дай прижать тебя к груди моей!

Полно плакать и кручиниться.
Если любишь друга верного,
С верой к богу, к другу с верностью
Дожидайся возвращения.

О девица, о красавица,
Осуши слезу горячую,
Дай прижать тебя к груди моей!

Не захочет дева русская
Посрамить стыдом любезного,
Чтобы он священну родину

Позабыл для страсти пламенной.

О девица, о красавица,
Осуши слезу горячую,
Дай прижать тебя к груди моей!

Если я погибну с честью,
Мы с тобою там обьемся.
Если я останусь с славою,
Нам любовь сто раз прелестнее.

О девица, о красавица,
Осуши слезу горячую,
Дай прижать тебя к груди моей!

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ЮНОШИ

Давно ль сей юноша счастливый
Любовь со славой разделял?
Друг Лиды, Лене друг любимый
За чашей светлой ликовал.

Давно ль на брани неврединный
Булатный меч в руке сверкал?
Давно ли конь неутомимый,
Как вихрь, из строя в строй летал?

Давно ль его бесстрашные дружины,
Не изнуренные борьбой,
Сквозь огонь, сквозь бурные пучины
Как к пиршеству стремились в бой!

Изломан меч окровавленный,
И спутник конь осиротел,
И ратных голос отдаленный
От холодной скорби онемел.

Ужасно над его главою
Враг лютый стрелы рассыпал!
Мечом и грудию стальною
Он путь к победе пролагал.

Там туча тмит восход денницы,
Здесь жребий гибельный смежил
Предвременно его зеницы
И пламень груди погасил!

И скоро, скоро весть молвою
К его любезной долетит,
И скорбь унылая слезою
В чужбине гроб не оросит.

Друзья! а наш обет герою —
Как жены, слез не проливать...
Но с первой бранною трубою
В рядах врагов — наш долг отдать!

КНЯЗЮ АНДРЕЮ ИВАНОВИЧУ ГОРЧАКОВУ

Вождь смелый, ратным друг, победы сын любимый!

Склони свой слух к словам свободного певца:

Я правду говорю у твоего лица,

    Не лестию водимый;

К поэзии в себе питаю смелый жар,

    Восторгом вдохновенный,

    Природою мне данный дар

Тебе я приношу, как дар определенный

    Для славы юного певца;

    Пусть струны скромный цевницы

    Звучат хвалу тебе сторицей!

Не лавров я ищу, не почестей, венца;

Но в поле бранное тобою предводимый,

Хвалы твоей ищу; и если жребий мой,

    О славы сын любимый!

Велит еще мне раз стремиться за тобой

    На глас трубы военной —

Я смерть себе вменю за дар благословенный.

Не ты ль с Суворовым чрез Альпы проходил?

Не ты ли презирал опасные стремнины?

И под державною рукой Екатерины

    Не ты ль полками предводил?

Князь духом, россов вождь, и вождь непобедимый,

    Хвала тебе стократ!

С тобой всегда, везде полки твои счастливы,

С тобой они давно привыкли побеждать

И поле бранное считать себе забавой,

На лаврах отдыхать при звуке громкой славы.

Не зверством, не войной

Герой бессмертье обретает,

Тиранов и по смерти потомство проклиняет;

Но правосудие, глас кротости святой

С победою должны быть вечно неразлучны.

Не ты ли нам пример являешь днесь собой,

О вождь благополучный!

Там веки протекут под времени рукой,

Но славу добрых дел ничто не разрушает,

Бессмертие по смерти великого встречает!

Пусть враг дерзнет еще нарушить наш покой,

Ты снова полетишь чрез бурные стремнины

Предписывать закон врагам непобедимый!

И свет дивить собой!

Монарх благословенный

Заслуги, подвиги твои вознаградит,

И, лавром осененный,

Ты будешь здесь в сердцах, а там —

в потомстве жить!

ПОСЛАНИЕ К НИКОЛАЮ СТЕПАНОВИЧУ АХМАТОВУ

Оставя тишину, свободу и покой,

Оставя отчий кров, семейства круг любимый,

Во цвете юных лет, неопытной стопой

Ты в шумный круг ступил тропой невозвратимой!

Отчизне, долгу раб, в краю чужом один,

От милых в отдалении,

Обманчивой Фортуны сын!

Куда влечет тебя твое воображение?..

На утренней заре удел твой испытать
Печали, огорченье,
Чувствительным сердцам назначено страдать
И горькою слезой платить за наслажденье.
Так, должен ты, мой друг! всем общий жребий
знать:

И твой веселый взор покроется слезою,
И вздохи кроткую улыбку умертвят
Зоилов стрелы пред тобою;
Но жребий низких душ — в презреньи исчезать!
Воспоминание дней ясных, невозвратных
Мечты о счастье угасшем возвестят,
Что в изменениях превратных
Рассвет твой был... блаженнее стократ
И славы громкия, и почестей ничтожных,
И честолюбия, и пагубных страстей,
Предначертаний невозможных,
Которым нет конца среди тысячи путей.

.....
Но ум возвышенный, тебе природой данный,
Но сердце нежное и благородный дух,
Под надзиранием отца образований,
Тебе откроют путь ко славе, юный друг;
Для кроткого царя, для родины священной
Приятно жертвовать собой;
В наш век чудесный, просвещенный
Примеры славных дел сияют пред тобой!
Отечество твое, под скипетром священным
Монарха славного, закон царям дает
И простирает длань народам угнетенным!
И изумляет свет!

Колосс надменный пал! Европа в удивленьи
Зрит победителя, свободу и закон!

Благословляя мир, повсюду в восхищеньи,
Благословляет русский трон!
Так, юноша! гордись отчизною твоею!
Спеши ей долг отдать, ее достойным быть;
И добродетельной стезею
Спеши полезным быть и славу заслужить!
Делами славными героев восхищенный,
Ты с благородною душой
Стремись на путь, тебе судьбой определенный,
Неколебимую стопой!
В кругу общественных всечасных изменений,
Где в юности твоей всё ново пред тобой,
Ты будешь зрителем превратных приключений
И будешь сам судьбы иль случая игрой.
Приманки хитрых фей, любви обвороженье
Для сердца нежного опасны могут быть;
Но времени закон, но опыт размышленья
Сей пламенный огонь и чувства уменьшит.
И я на утре дней, страстям поработенный,
Цирцею отдал долг, ей жертвы приносил...
Но, ах! неверными стократно обольщенный,
Светильник пламенный рассудком погасил.
Пусть добродетели закон всегда священный
Тебя к бессмертию ведет среди путей,
Сокрытых от невежд, где разум просвещенный
Находит истину и в красоте своей.
Бессмертие по смерть великим достается:
Потомство правды глас героя возвестит,
А истинный талант препон не ужаснется.
Приятная мечта — в потомстве вечно жить!
С спокойной совестью и позднею зарею
Воспоминание приятно усладит
Дни угасаючи под времени рукою;

Не вечно радости из полной чаши пить!
Придет и твой закат с приметной быстротою,
Исчезнет светлый луч, и твой веселый взгляд
Покроется навек определенной тьмою, —
Не сладостно ль своей отчизне долг отдать?
И, шуму удалясь, с пенатами, с семьею,
Протекшие часы ненастья забывать?
Подчас и с музами и с милою своею
Дни безмятежные свободно восхвалять?..

ОДА ДРУГУ

На лоне ласкательной неги
Сбрось иго заботы, мой друг!
Здесь всё ненадолго —
Спеши, пока еще время, душистые в поле цветы
Рукою беспечной срывать...

Ах! радости смежны с печалью,
Фортуна лелеет тебя,
И золото рекой
Льет в обитель твою зарю безбедного дня...
Но буря таится во мгле,

Ланиты и сердце пылают
Любви сладострастным огнем,
И дева прелестна
Белоплечной рукою на ложе восторгов зовет —
Там чашу Киприде пить в дар.

Алмазной клубится струею
Шампанское в кубках золотых,

Сонм юношей резвых
С тобою разделят вино и яствы роскошных столов,
И годы как миг пролетят!

Но, друг, в упоеньи страшился соделаться жертвой
страст
ей,

Да гордость с пороком
Тебя не коснется во тьме под видом змеи золотой;
Опасны и взгляды льстецов;
Померкнут, как в сумрак денница,
И мысли довольства собой;
Душа унывает,
Когда не стремимся ко благу прямою и верной стезей,—

Свобода и совесть твой путь.
Жизнь наша есть искра во мраке —
Пылает душою она,
А разум нас высит
Превыше ничтожных сует к Источнику жизни миров
И прах сотрясает земной!

ПОСЛАНИЕ ДРУГУ

Как отшельник, вдалеке
От сует, затей и славы,
Сделавшись беглец забавы,
В красном старом колпаке,
Я доволен сам собой!
Без придворной хитрой маски,
Не прельщаясь мишурой,
Чужд вельмож надутых ласки;
Не в числе толпы большой

Обезьян пустоголовых
И отъявленных льстецов,
Кои лижут пыль следов
Истуканов многославных;
Без расчетливых друзей,
Кои в книжку записную
Вносят дружество князей
Иль министров речь пустую...
Я — беглец и тех умов,
Кои славною стезею,
Не средь гибели и бою,
Достигают всех чинов,
И сатрапу вместо скуки,
.....
Или, сродни к перемене,
Уморившись так и сяк,
Забавляются в триктрак!!
Ты всё знаешь: nota bene[38],
Где ж за ними вслед поспеть?
И с моей ли головою
Столь чудесною игрою
В славном подвиге успеть?
О! их слава — слава мира,
Подвиг их греми гудок,
Иль Грицка[39] охрипша лира
Средь корчмы под вечерок!
Если б мне, назло природе,
Кисть свою Рафаэль дал,
Я бы, верно, весь по моде,
Мой образчик начертал;
Или Фидия рукою
Нимфу, Вакха пред тобою
В сапогах изобразил,

И в мундире, в эполетах,
В шарфе, в шляпе и в штиблетах
На колени посадил!
Или, следуя Грессету,
Лирой нежной очертил
И с «Vert-Vert»'ом выдал свету!
Но могу ль за ними вслед
В храм бессмертия стремиться?
Надо с вольностью проститься,
Запереться в кабинет
И пустить свой дар в оценку,
Чтоб на смех в съестных рядах
Стали и в моих стихах
Продавать пирог в копейку.
И, о горе! вечный стыд!
Если князь, венцом покрытый,
Завернет туда со свитой
И увидит честь его, дела и славу,
Зря прильнувших к пирогам,
Кои в красоте своей
Едокам дают в забаву
С пирогом за пять грошей!..
Но прости — заговорился
И на рынок с ним пустился,
Время даром упустил
И о деле позабыл.
Там не нужно испытанье
Мрачных тягостных наук,
Но приятен тесный круг,
Где блестит одно познание.
(Ах, почто во тьме наук
Я учением томился
И премудрости лишился,

Коей сей славен круг!)
Интегралы, бомб паденье,
Логарифмы, уравнение —
Им не нужны, милый друг!
Там науки обитают,
Кои ум не отягчают,
Но дают иной закон
Всем делам и направлению,
Скуке, делу и безделью...
Вместо Вобана, Кассини,
Фридриха иль Жомини
На столе у них лежит
Календарь vlin[40],
Возле святец — uvres[41] Грекура,
Где близ голого амура
Голая Венера спит!
И in-folio[42] картины
Из пале-рояльских стен,
Где семнадцать перемен
Вкруг творит Приап ярливый!

Друг мой! если всё писать,
Что я знаю под рукою,
То, клянуся головою,
Надо две стопы связать!..
Там я видел возвышенье
Инославных подлецов,
Силу их и униженье
Заразительных умов[43].
Видел злых невежд собранье,
По уму — весь желтый дом,
По делам — Гомор-Содом.
И навозных куч сиянье!

Видел я, как генерал[44]
Табакерку подымает
И платочком подтирает,
Что сатрап ее ...
Видел чудо и слышал,
Как превнятными словами
Некий голос вкруг шептал:
«Князь с ослиными ушами»,
Видел, слышал и сказал:
«Здесь тебе не место чести,
Ты не знаешь подлой лести
И к тому ж злой жребий дал
Тебе странную фигуру:
Кверху нос, язык ножом,
Впалый лоб в лице рябом
И кривую позитуру,
В двадцать лет оброс брадой,
В дерзких взорах то сияет,
Что невольно выражает
Вид иронии презлой!
Нет, беги от них скорее!
Лучше в хижине простой
Жить с скотами, с простотой,
Чем с людьми скотов глупее!»
Дымный воздух и сырой,
Стены зеленью покрыты,
Пухлый пол, в местах изрытый,
И в дверях навоз рекой,
Друг мой, мне сто раз дороже,
Чем то с почестями ложе,
На котором князи спят!
И в ночи в уединенье,
Судным прачкам на мученье,

Без свечей ландкарт чертят.

Envoi au prince [45]

Отрасль Мида, россос честь,
Не прими мой глас за лесть.
Я цевницей тихострунной
Не пою всех славных дел,
Кои я узнать успел!
Будь спокоен: мир безумный [46]
Не лишит тебя ума;
На челе твоём дубовом
Отрасль Селены взошла
И свилась с венком лавровым!

Finis![47] час уже молчать.
Я пойду в бауле лени
Пополам с нуждою спать,
Ты в роскошно-сладкой сени
Креатур твоих лобзать...

К МОИМ ПЕНАТАМ

От отческих полей, от друга отлученный,
Игра фортуны злой, коварной и страстей,
Мечтой обманчивой в свет бурный увлеченный,
Свидетель суеты, неравенства людей,
Сражаясь сам с собой, — я вижу преткновенье
На скользком сем пути и бездны пред собой.
Пенаты милые! услышьте голос мой,
Внемлите странника бездомного моление:
Вы, в юности меня хранившие от бед,

Теперь от роковых ударов защитите
И к дому отчему скорее возвратите:

Уже я видел бурный свет!

Как в ясный, тихий день воздушный метеор
Движеньем мрачных туч свод неба помрачает,
Так в утро дней моих меня тоска снедает,
И тщетно в будущность бросаю робкий взор:
Там новые беды грозят еще цепями...
О лары кроткие! да будет ваш покров
Над бедным путником, зовущим со слезами
На помощь вас одних; услышите скорбный зов —
И горести мои на время прекратите...
Под небом неродным веселий, счастья нет,
Меня вы к родине скорее возвратите:

Уже я видел бурный свет!

Честь, слава вдалеке взор слабый обольщает,
Богатство, титулы — совместны с суетой,
И Крезус пьет фиал тоски и скорби злой,
Сатрапы гордые средь роскоши скучают.
Нет, больше не хочу я славы и честей!
Знаком кровавый путь мне грозныя Беллоны,
Средь сечи гибельной, средь громов и мечей
Я слышал славы клич — и жертв невинных стоны.
Пенаты добрые! Внемлите мой обет —
И бурю над главой моею отведите,
И к дому отчему скорее возвратите:

Уже я видел бурный свет!

МОЕ ПРОСТИ ДРУЗЬЯМ (ИСЛОВСКОМУ И РИКЛОНСКОМУ)

Друзья! налейте кубки!
Ударим край о край
И в скорбный час разлуки
Запьем свое «прощай!»...

Не глас иноплеменных,
Не пушек близкий гром,
Не клик врагов надменных
С увенчанным челом,
Но нежный глас природы,
Восторги и любовь
Под верный дружбы кров
В объятия свободы
От вас меня зовут.
О други, между вами
И мой тернистый путь
Усеян был цветами.
Довольно ясных дней
Близ вас я видел, други!
Клянусь во дни разлуки
Вас часто вспоминать,
В мечтах одушевлять
Час дружеской беседы,
Где острых слов победы
Вы знали замечать
И в шутках повторять!..
Где царство и народы
В кругу прямой свободы,
За чашей пуншевой,
При дыме трубок сидя,

Пристрастья ненавдия,
Судили пред собой!
Где тайной скорби силу
И близкую могилу
Я с вами забывал
И радостью счастливой
В час думы молчаливой
Мой дух воспламенял!
Где злобу и пороки
Бесчувственных людей,
Тщету заслуг, честей,
И скрытые дороги
Искателей, льстецов,
И страстное сужденье,
И к истине презренье
Смешных лжемудрецов,
Где суд невежд пристрастный
Дает невеждам путь,
Ко славе безопасный,
Где знания безгласны,
Где ум, талант гнетут, —
Мы видели — учились...
И к почестям стремились
Неробкою стезей!..
Исчезни, пламень мой,
Когда я вас забуду,
Свободные друзья!
Вот вам рука моя,
Что свято помнить буду
Союз сердец святой.
Скорее луч денницы
В предвестии гробницы
Угаснет надо мной!

Друзья! налейте кубки!
Ударим край о край
И в скорбный час разлуки
Запьем свое «прощай!»...
Прик<лонский>, нам с тобою
Еще сквозь мрачных туч
Блестит надежды луч —
Быть может, Марс трубою
Из мертвого покою
Нас в поле воззовет
Приманчивая славы,
И след войны кровавой
Нас к цели доведет.
Быть может (сокровенья
Кто может предугадать?),
В пылу огней, сраженья,
Как к рати двинет рать
Погибельной стезею,
Нам суждено с тобою
В добычу смерти злой
Предвременну могилу
Узреть в земле чужой!..
Но нет, и мысль унылу
Забвенью предадим,
За чашей круговую
Веселую мечтою
Свой дух воспламеним!..
Оставя жизни бурной
Неласковый прием
И блеск честей мишурный,
Ты истинным путем,
Кисловский, друг свободы,

Под сень самой природы
Нетрепетно идешь,
Где время золотое
В беспечности, покое
Ты мирно проведешь...
Ни громы в отдаленьи,
Ни ядер звонкий шум
В минуты сладких дум,
В часы отдохновенья
Тебя не воззовут!..
Под кровлею родною
Там счастье с тобою!..
Там дружества приют!
И дни твои беспечно,
Но быстро, скоротечно
В довольстве пробегут.
Доколе юность с нами
И огненная кровь
С свободными сердцами,
Друзья! дотоль любовь,
И дружбы глас священный,
И кубок позлащенный
С пенящимся вином,
Честь, истина с добром —
Нам будет утешеньем
И долгом в жизни сей!..
Прямое наслажденье —
Не блеск пустых честей,
Не славы шаткой сила,
Не милости царей,
Не злато богачей —
Их ранняя могила
Во мраке погребет...

Нет, к счастью ведет
Путь чести благородной,
Где ум души свободной,
Где совести покой
Упрекам неподвластен,
С рассудком, и душой,
И с честью согласен!
Но, други, час бежит...
День ясный вечереет,
И в кубках дно яснее...
Всё, кроме нас, молчит,
И троица стоит
Коней удалых, рьяных,
И солнца свет багряный
За дальнею горой
Сменился темнотой!
Природа в неге спит!..
Луна-путеводитель
Путь дальний серебрит,
Да гений-покровитель
В разлуке вас хранит...
Итак, нальемте кубки,
Ударим край о край
И в скорбный час разлуки
Запьем свое «прощай!»

ПОСЛАНИЕ ПЕТРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ПРИКЛОНСКОМУ

Qui vit content de rien possede toute chose.
Voileau. V Epitre[48]

Мой друг! взгляни кругом на наш подлунный свет:
От трона царского до хижины убогой —
Везде увидишь след богини быстроногой,
Но постоянного для ней приюта нет.
Чем выше здание — тем ближе к разрушению,
Опасен скользкий путь титулов и честей,
Опасны милости и дружество царей —
Кто ближе к скипетру, тот ближе к ниспадению!
Как часто видим мы невежду и глупца
С титулом княжеским, в заслугах, уваженьи,
Который с гордостью бросает взор презренья
На долю скромную и бедность мудреца.
Но тратит ли, мой друг, мудрец свои надежды
Фортуне вопреки покоем обладать?
Нет, тою же стезей он скрылся от невежды
Под кров беспечности о слабом сострадать!
И в рубище Солон дал Крезу наставленья,
Как смежны счастье и слава с нищетой,—
Пред Киром на костре от смерти роковой
Спасло нежданное счастливица предреченье.
Лишенного очей, в темнице и цепях
Зри Велизария и с ним превратность рока...
Давно ль Наполеон, полсвета бич и страх,
Мечтал оспаривать и власть и силу бога?
Где ж гром его побед?.. Фортуна за собой
Триумфы, почести и славу удалила.
Нет постоянного для смертных под луной,

Превратность — жребий наш, а верное — могила!..
Чины, и почести, и всех богатств собор,
Когда нет мудрости, нас скукой отягчают,
Прельщается ль резцом и кистью грубый взор?..
Безумцы остроту в безумце обретают;
Страшилище ума, они в кругу своем
Нерона с Августом в величии равняют,
Херила наших дней Пиндаром называют
И восхищаются Беатуса умом!..
Сословие невежд, гордящихся породой,
Без знаний, без заслуг, но с рабскою душой,
Но с знаньем в происках до степени высокой,
Идет надменною и быстрою стопой...
Презренные льстецы с коленопреклоненьем
Им строят алтари, им курят фимиам.
Напрасно равенства мечтатели желают,
В природе равенства не может быть и нет:
Одних смирение, таланты отличают,
Других — безумие и преступлений след;
Одним назначено дней миром наслаждаться,
Другим — убийством жить и в дебрях пресмыкаться.
Родится гений, ум, родится и глупец —
Ужель природы дар не должен дать первенство?
Начало всем одно, и всем один конец,
Но в мире нравственном не может быть равенство,—
Лишь независимость есть мудрого черта;
Под игом деспота-тирана — он свободен...
Для пользы ближнего жить — сладкая мечта!
Тому, кто чувствами, кто духом благороден,
Он тайно не острит на братьев грозный меч,
Не жаждет для венка бессмертия и славы,
Неистойвой рукой точить ручьи кровавы,
Жилища мирные в добычу брани жечь

И доблесть исчислять числом насильств и мести;
Ему неведом путь покорства, низкой лести
Пред знатным гордецом — вельможею царя;
Он в доле родственной нужды ни в чем не знает
И, прихотям не раб, спокойно засыпает
С подругою своей до радостного дня!
Природы добрый сын, в объятиях природы
Он верно свой покой и благо обретет;
Не алчен к золоту, он ищет лишь свободы
И в Новый свет искать сокровищ не плывет.
Приклонский! Счастье еще не за горами,
И если от него нас жребий отлучил,
То опыт гибельный стократно научил,
Как радости ловить удачными часами,
Желанье, прихоти и страсти обуздать
Должны рассудком мы, чтоб в меру наслаждаться.
Довольно, милый друг, за призраком гоняться,
Не время у моря погоды ожидать !..

Г. С. БАТЕНЬКОВУ

(«Хотя глас дружества молчанью твоему...»)

Хотя глас дружества молчанью твоему
Без прекословия и укоризн прощает,
Но можно ль нежность дать холодному уму,
Который действие с причиной разбирает?
Ужели хладная и мертвая Сибирь,
Где видны ужасы неласковой природы,
Где вьюги, и мороз, и вихорь-богатырь
От точки полюса под знаменем свободы
Стремятся по горам пустынным бушевать,
Могла твой прежний дух и дружбы уверенья,

Как кедра сильный ветер главу, поколебать...
И силлогизма дать софизму заключенья?

Ужель свинцовый час

Покрыл прошедшее невозвратимой тьмою,
Ужель он заглушил влеченья тайный глас,
Который юношей нас съединил с тобою?..
Конечно, в те часы, как мыслью ты летал
С Невтоном, с Гершелем в планетах отдаленных.

Движенья их, часы, минуты исчислял,
Их жителям давал законы непрременны,

Чужд бренности земной,

О друге забывал, как о пылинке брэнной,

И гений добрый твой

На время оставлял тебя мечтой химерной.
Иль, долгу верный раб, в союзе с суетой,
Заботой, нуждами и бедством окруженный,
Не мог ты жертвовать минутою одной

Для друга ежедневно?

Но прочь сомнение, ты тот же должен быть:

Те ж чувства, чуждые и низости и лести,

И ум возвышенный, способный отличить

Талант от глупости, дым суеты от чести,

Те ж мысли правоты, размер во всех делах,

И поступь, сродная закону протяжений,

Те ж Эйлер и Лагранж — в сияющих глазах

По тем же степеням высоких уравнений!..

Прости, мой друг,

Метафорическим моим уподобленьям!

С тяжелой головой, с унынием сам-друг,

Могу ли усладить приятным песнопеньем

Твой к бурям приобвыкший слух?

К тому ж вожатый мой, Вахх дерзостный и юный,

Тогда как я пишу, волнуя бурный дух, —

Мои наладил струны!..
Напрасно б стал тебе забавы воспевать,
О радостях вещать дрожащими устами
И подвиги мои с улыбкой исчислять
На поле боевом не голосом, очами...
Погибло всё, как сон с младенческой мечтой.
Любитель некогда военной непогоды,
С прискорбием теперь меч обнажаю свой,
Как чадо смелое безвластия, свободы!..
    Я свет печальный созерцал —
    И волос дыбом становился!
Когда же глубину души людей познал,
    Я с светом раздружился!..
Руссо и Тимона невольно оправдал,
    И, им последовать готовый,
Чем более людей боялся и бежал,
Тем делались сносней тяжелые оковы!
С пустынею в душе, с сомненьем ко всему,
Не доверяющий сим тварям ослепленным,
Которы в гордости, в невежестве уму
Возносят олтари... и гонят ум смиренный...

ПОСЛАНИЕ Г. С. БАТЕНЬКОВУ **(«Когда над родиной моей...»)**

Когда над родиной моей
Из тучи молния сверкала,
Когда Москва в цепях страдала
Среди убийства и огней,
Когда губительной рукою
Война носила смерть и страх
И разливала кровь рекою

На милых отческих полях, —
Тогда в душе моей свободной
Я узы в первый раз узнал
И, видя скорби глас народной,
От соучастья трепетал...
Как быстро гибнет блеск зарницы,
Так из разрушенной столицы
Тиран стремительной стопой
Вспять хлынул с хищною ордой!
И вслед ему бог бранный мщенья,
Во мзду насильств и преступленья,
Перуны грозные бросал
И путь гробами застилал...
Орудие сей грозной мести,
Я взор печальный отвратил
От поприща кровавой чести
И острый меч в ножны вложил...
Но ты, мой друг! при шуме славы —
Среди триумфов и побед,
Среди громов борьбы кровавы
Стремясь за разрушеньем вслед,
Свидетель россос смелых силы,
Смиренья их и правоты, —
Поведай мне, что мыслил ты,
Зря цель изрытую могилы?
Скажи, ужель увеселял
Тебя трофей, в крови омытый,
Ужель венков, корыстью свитый,
Рассудка силу заглушал?..
И мрачная завеса пала!
Атропа гибельным резцом
Едва нить жизни не прервала
Твою под роковым мечом.

Простясь с неласковой судьбою,
С печальным опытом, с мечтою,
Ты удалился на покой
Туда, где Лена, Обь волной
В гранитные брега плескают
И по седым во мгле лесам
К Гиперборейским берегам,
Во льдах волнуясь, протекают,
Где всё в немых пустынях спит,
Где чуть приметен блеск природы,
Но где живут сыны свободы,
Где луч учения горит!..
Твои там отческие лары,
Там мир и радости с тобой,
Туда кровавою рукой
Войну, убийства и пожары
Не понесет никто с собой!..
В беседе там красноречивой
С тобой великий Архимед,
Декарт и Кант трудолюбивый,
И Гершель с циркулем планет!
И всё в гармонии с душою,
И чужд клевет и злобы слух...
Почто ж зовешь меня, мой друг,
Делить все радости с тобою!
Могу ль покоем обладать?
Пловец над пропастью бездонной
В отчизне милой, но безродной,
Не ведая куда пристать,
Я в море суеты блуждаю,
Стремлюсь вперед, ищу пути
В надежде пристань обрести
И — снова в море уплываю.

НЕПОРОЧНОСТЬ ЛЮБВИ

Идиллия

Туманится небо, перун загремел...
Сокрылся за тучами луч яркий денницы...
    Я страстью горел
И чашу восторгов на персях девицы
При шуме перуна мгновенно испил...
Всё смолкло, всё тихо, но нежны ланиты Шарлоты
    Румянец покрыл,
И локоны зефир волнует развиты,
И перси лобзает под дымкой сквозной.
И грозное небо и громы щадят наслажденье.
    Друг нежный, Шарлота, любви святой
    Устав натуральный не есть преступленье!..
    Нам сердце и совесть порукой с тобой.
    Взгляни, после бури природа гордится
    Творенья красой!
И сердце невольно к природе стремится...
Пусть снова ударит перун над головой!
Пусть небо готовит нам сильное мщенье,
    Но, друг мой, с тобой
Мне жизнь лишь восторги, а смерть — утешенье.

ШАРЛОТЕ

Давно ли в неге утопал,
Пылая страстью безмятежной?
Давно ль зари восход блистающей встречал
На груди белоснежной?..

Шарлота! грозен взор завистливой судьбы —
Она нас разлучила,
Не внемля голосу мольбы,
Утехи цвет скосила.

Но буря грозная минет,
Мы свидимся с тобою —
Душа надеждою живет...
Разлука не страшна мечтою!..

Пусть верность будет твой закон,
Добро — путеводитель,
И спутник верных, Абеон,
Нам снова возвратит обитель.

В замену радостей, забав и страсти милой
Остались в удел недуги и печаль..
И мысль от прошлого, стремясь в безвестну даль,
Знакомит нас с безвестною могилой!..

ЕЙ ЖЕ

(«О, если и тебе назначено судьбою...»)

О, если и тебе назначено судьбою

Изведать мрачное томление души,

За сладости любви

Платить раскаяньем и тайною слезою —

Скажи, могу ли чтить святым судьбы закон

И провидению вверять мои надежды?

Могу ль, смыкая вежды,

Надеяться на сладкий сон?

Нет, нет, беги от глаз доверенность и вера.

Свет мрачный есть цепь зла, избегни цепи сей —

На выях возлежит блуждающих людей;

Их радость детская есть страшная химера!

Забуду ли, когда тебя к груди моей,

Волнуемый страстей робеющих желаньем

Прижал я в первый раз и с тайным трепетаньем

Вкусил сладчайший дар <неспелой> жизни сей,

И воздремал с тобой, блаженством упоенный.

Беспечный, я не мог предвидеть бури бед,

Когда мне в первый раз казался благом свет,

Когда, с тобой соединенный,

Восторгами любви считал мой каждый час;

Но в тихих облаках таился гром опасный —

Приметно исчезал жар чувства сладострастный,

И светлый пламенник желаний вдруг погас!

Предчувство — жребия превратность возвещало!

В борьбе с самим собой я мыслить не дерзал

О следствиях любви. Но глас природы снял

Со взоров мрачное сомнений покрывало!

Я вижу, милый друг, причину тайных слез

И тайного томленья;
Оставь рабам сует пути предрассуденья
И не страшись молвы бессмысленных угроз:
Не может зла творить устав святой природы.
Покорствуй ей, она ведет добра рукой
От бурь и непогод сокрытою стезей
Под кров прямой любви и нравственной свободы!

«ОТ РАННЕЙ ЮНОСТИ Я ЖРЕБИЙ МОЙ ПОЗНАЛ...»

От ранней юности я жребий мой познал
Из урны роковой — погибельный, несчастный,
И взором трепетным и смутным пробежал
Судьбы моей скрижаль!..

С тех пор денницы блеск и юной девы взоры
Я с равнодушием встречал!
И муз пленительные хоры,
Как песни грубые, внимал
И на величие природы
Взирал, как сквозь туман осенней непогоды!..

СВИДАНЬЕ

В гроте темном, под горой,
Между кленов, тополями,
Где чуть блещет меж листьями
Отсвет солнца золотой,
Где ручей шумит струей
Меж зелеными берегами,

Обречен тот тайный час
С милой раннего свиданья,
Где любовь сулит для нас
Светлый рай очарованья,
Где я первый поцелуй
На устах сорвал прелестной
И вкусил восторг небесный.
Слышу шорох, торжествуй!
Как Аврора, на рассвете
В легком утреннем корсете
Лиза робкая идет
И стыдливым ищет взором,
Где ее друг страстный ждет.
Свист пернатых встретил хором
Луч денницы золотой.
Всё в гармонии со мной,
Всё вокруг весною дышит,
Лишь зефир листья колышет,
Лишь под легкою ногой
Розмарин с нарциссом гнется, —
Лиза здесь. Мой дух мятется...
Лиза! бог свидетель мой,
Что с тобой любви сила
В мрачной жизни среди бед,
Где я зрел лишь скорби след,
Мне путь к счастью открыла.
Жизнь пройдет, как легкий сон,
Рано прелести и радость
И приманчивую младость
Унесет несытый Крон.
Поспешим же, хоть украдкой
От коварных злых людей,
На заре счастливых дней

Насладиться жизнью краткой.
Слышишь, друг мой, соловей
Наше счастье воспевает,
Вся природа прославляет
Упоенье юных дней;
Всё приманкой страсти дышит,
Всё вокруг поет любовь,
Тайный огонь волнует кровь,
Лиза слов моих не слышит,
Взор слабеет, смолкнул вздох.
Я пью сладостный восторг...

ИДИЛЛИЯ

(«Как можно свободу на цепи менять?...»)

Как можно свободу на цепи менять?
Утехи Амура холодным Гименом
    Навеки сковать?
Восторги и радость, нам данные небом,
Друг милый, Шарлота, потщимся продлить.
Здесь всё ненадежно: и прелесть и радость
    Как миг улетят.
Доколе лелеет огнистая младость,
Доколе несытый Сатурн чередой
Не сгубит улыбку, румянец весенний,
    Доколе с тобой
Присутствует добрый невидимый гений
И юноша страстный любовью полн,—
Дотолле, Шарлота, ликуй безмятежно
    И на море челн
Средь тихой погоды на вал ненадежный
С неверным желаньем стремись удержать.

Холодных, коварных людей осужденье
Как можно внимать?
Их радость — порочить любовь, наслажденье.

К ЛИДЕ

Давно ли с мирною душой
И с сердцем, в выборе свободным,
Я с чувством к красоте холодным,
О Лида, говорил с тобой?
Среди собраний многолюдных
Мой взор тебя тотчас от прочих отличил,
И я тебя хвалил,
Не зная страсти безрассудной!
Где делись радость и покой
И равнодушное сужденье? —
Исчезло ослепленье —
О Лида! Глас немеет мой,
И сердце пылкое еще сильнее бьется,
От страсти юный дух мятется...
Ты всех своею красотой
Подруг, о Лида, затмеваешь!
И юношей собор улыбкой восхищаешь,
И все стремятся за тобой...
Какое для моей души очарованье
Питать любви жар, с любовью упованье!
Взгляни на друга нежных муз
И цепи разорви прекрасною рукою,
И награди меня улыбкою одною
В замену тяжких уз!..

К НЕЙ ЖЕ

(«Что значит взор смущенный твой...»)

Что значит взор смущенный твой,
И сердца страстное биенье,
И неpritворное волнение?..
Скажи, о Лида, ангел мой!
Давно ль на ложе сладострастья
Блаженства я испил фиал
И к груди страстной прижимал
Тебя, как сын веселый счастья?
Я зрел румянец алый твой
И груди белой колебанье,
Твое смущенье, трепетанье,
Когда прелестною рукой
Ты взоры робкие скрывала
И мне свободы не давала
Ступить порочную стопой
На ложе кротости невинной...
Мой дух любовью пылал,
Я счастья робко ожидал
И в страсти сильной, непрерывной
Нетерпеливою рукой
Отдернул полог сокровенный
И розу, полную весной,
Сорвал — в завет любви святой,
Мечтой блаженства увлеченный...
Я полный кубок счастья пил
Средь неги страстной и волнения,
На ложе розовом забвенья
Мой жребий временный хвалил!..
Но время счастья быстро мчится,
Денницы быстро луч блеснул:
Нам должно было разлучиться,
Ты спала, Лида, я взглянул...

И прелестей твоих собор,
При свете слабом обнаженный,
Лишь дымкой легкой сокровенный,
Очаровал мой дерзкий взор.
Но я, как узник страсти нежной,
Искал свободы от цепей
Средь роз душистых и лилей...
На груди страстной, белоснежной.
Исчез твой тихий сон как миг,
И ты в объятиях моих
С невольным ропотом взглянула,
Слеза в очах твоих блеснула...
И я, смущенный, робко ждал
Минуты грозной разлученья
И в миг счастливый упоенья
<Давно ль> тебя лобзал?..
И в неге тайной пресыщенья
В восторгах страсти утопал?..
О Лида! Прочь твое роптанье!
С тобою гений добрый твой!
Пусть время хладною рукой
Грозит прервать очарованье
Любви и счастья юных лет.
Исчезнет всё, как ранний цвет,
Исчезнет страсти ослепленье,
Минутой надо дорожить...
И непрерывно радость пить
Из полной чаши наслажденья!

ЧАС МЕЛАНХОЛИИ

Меня ничто не веселит,
Я счастья под луной не знаю —

Средь игр лишь горести встречаю,
Покой всегда меня бежит.
Увы! в мечтаниях одних
Зарю дней ясных представляю,
Но где она, того не знаю.
С собою сам, в слезах моих,
Себе отраду обретаю.
Ничто мне в мире сем не льстит,
Средь юности тоской убит.
Увы! не знаю наслаждений,
Любви опасных обольщений.
Для красоты и дев молодых —
Угас мой взор, огонь чувств моих,
И время медленной рукою
Длит жизнь. Под тучей громовую
Удел мой горесть испытать.
Стремлюсь я к вечному покою,
Хочу под гробовой доскою,
Что есть бессмертие, узнать.
Почто мне в цвете дней моих
Страдать назначено судьбою?
Надежда, я забыт тобою,
Не вижу радостей твоих.
О друг, товарищ огорченный,
Почто не вместе я с тобой?
Почто час грозный, роковой,
Час гибельных моих мучений
Делить не можешь ты со мной?
Сей ад в душе, тоска сердечна,
Предчувства глас — быть может, вечно
Я не увижуся с тобой.
Мой гроб открыт, и червь голодный
Спешит мой синий труп глодать,

Скелет останется лежать
В могиле мрачной и холодной;
Не буду я тогда роптать
На рок бесчувственный, жестокий —
Я буду мертвый, одинокий...
Но буду ль я тогда страдать?
Никто винить меня не будет,
Враги забудут осуждать
И — следственно — могу ль роптать,
Что недруг мой меня забудет?
Я зла не сделал никому,
И зло казалось мне загадкой,
Я часто слезы лил украдкой —
И сердцу верил одному;
В душе моей явились страсти,
И счастья свет, как миг, протек,
Со тьмой явились напасти,—
Неумолим жестокий рок!
Злой яд кипит в душе моей
И дух унынием томится.
Ах! Долго ль казнь моя продлится,
Дождуся ль в жизни ясных дней?..

«ТАК ЛОЖНОЮ МЕЧТОЙ ДОСЕЛЕ ОСЛЕПЛЕННЫЙ...»

Так ложною мечтой доселе ослепленный,
Напрасно мыслил я о счастливых часах.
Тебе ль знать радости? Твой разум заблужденный
Не мог предузнавать о будущих бедах,
Давно назначенных губительной судьбою;
Лишь смерть желанная спасительной рукою
Тебя освободит от горестей твоих!
Тебе ль переломить судьбы определение
И силой Сильного избежать назначение?
Исчезнули мечты, я счастлив был лишь миг,
И счастлив только заблуждением,
Которое, как вихрь, исчезло мановеньем.
Ни ласки нежные, ни кротость, ни любовь,
Ни одинакая текущая в нас кровь —
Ничто не умягчит дух злобный и враждебный!
А я, не опытом, безумный, увлеченный,
Предвидеть будущих несчастий не возмог.
Кто ж этому виной? Я сам иль сильный бог.

МЕНАЛК

Эклога

Один, уединясь под дубом наклоненным,
Где тихий ручеек струи свои катил
И тихим ропотом к забвенью приводил,
Меналк задумчивый со взором потупленным,
Оставя посох свой, овечек и свирель,

Так тайну скорби пел:

«Жестокая судьба, где дней моих отрада?

Где радость юных лет, о коей я мечтал?
Как в тучах солнца луч, мне счастья свет пропал.
В замену радостей мне слезы лить — награда,
Напрасно юная Корина милый взор
Ко мне наедине с улыбкой устремляет:
Ее старания и нежный разговор
В груди еще сильней тяжелый вздох стесняет.
Бесчувственный! Вчера, томимая тоской,
Печальным голосом она еще сказала:
„Меналк! Мой милый друг, что случилось с тобой?
Ты плачешь? — И слеза из глаз ее упала.—
Ужель не видишь ты забавы пастухов,
Их радость общую, шум песней, хороводы,
Мое томление, мою к тебе любовь?
Чего недостает тебе, скажи?..“ — Свободы!
        Как пленник, средь оков,
От братьев, от друзей в край дальний увлеченный,
В пустынной Таврии, средь грубых пастухов,
Жестокою судьбой неожиданно занесенный,
        Я должен слезы проливать.
Ни милой родины сияние денницы,
Ни голос утренний приветливой певицы
Сюда умерить грусть мою не долетят.
Жестокий корифей устав моих страданий
Бесчувственной рукой до гроба начертал
И отческим полям колючий терн устлал
Мой путь, лишив меня и самых ожиданий.
Почто не скрылся я под дружеский покров,
Когда гремел вдали гром бурный предо мною?
Почто я тешился обманчивой мечтою
И тихо ожидал дней ясных средь громов?
Стада несчетные среди лугов шелковых,
Сады, где сочный плод дерева бременит,

Поля, что жатвою Церера золотит,
Пруды зеркальные, для рыб златых оковы,
Несут годичный дар тому, кто бед виной.
Но в доле бедственной сравнюсь ли я с тобою?
Рука богов хранит страдальца под грозую,
Ты в счастья, но страшись их мщенья над тобой!»

ПЕСНЬ ПРИРОДЕ

О музы кроткие, простите дерзновенью
Певца безвестного, летящего на Пинд
Не лавры пожинать в награду песнопенью,
Но видеть ваш привет, улыбку пиерид!
Природе всеблагой слагаю песнь хвалебну.
В благоговении, с поникшей головой,
Объемлю таинство и стройность совершенну!
И духом возношусь — превыше тьмы земной!

СЕТОВАНИЕ

В младенчестве моем я радости не знал.
Когда лишь с чувствами, с невинностью знакомый,
К родителям моим я руки простирал,
    Врожденной добротой влекомый,
    Я нежной ласки ожидал.
Увы! Тогда мой взор суровый взгляд встречал.
Я плакал, но еще несчастья не знал!
В те дни, как чувствами природой оживленный,
Я помнить стал себя, предметы различать,
Стал чувствовать добро, — незнаньем увлеченный,
Я мнил любезных мне с восторгом обнимать!

Но, ах! несчастного удел определенный
Лишь горести встречать.
Я плакал, но еще мог слезы забывать!..

РОПОТ

Где вы, о призраки счастливых оболещений,
Куда сокрылися восторги и любовь?
Я вижу тень одну прошедших наслаждений!..
Светильник гаснет мой, и леденеет кровь!..

На то ли Прометей рукою дерзновенной
Похитил у богов дар жизни, огонь святой,—
Чтоб житель сей земли, кругом несовершенной,
Терял сей самый дар с рассветшею зарей?

Давно ли, девами на играх окруженный,
Я им, краснеяся, безмолвствуя, внимал!
И, Терпсихорою в круг шумный увлеченный,
С прикосновением взор робкий опускал.

Сколь юность сладостна беспечною златою!
Души исполнена восторгов и собой, —
Ласкала прихотям, невинностью самою,
Являя всюду рай, блаженство и покой!

О сладострастие, восторг неизъяснимый!
Могу ль изобразить сей тихий, сладкий жар,
Стремленье робкое души нетерпеливой...
И упоение — богов чистейший дар!

Я помню первое свиданье, дерзновенье...
Коснулся... мертвый хлад по членам пробежал.

И огонь его сменил, и бурных чувств горенье
Слабело, гаснуло... и дух мой исчезал!

Но к жаждающим устам коварный сын Киприды,
Как нектар, страшный яд улыбкой подавал,
И цепи грозные, под блеском роз сокрыты,
Со взором радостным на чувства налагал!

И чувства гаснул и в пучине заблуждений...
Неопытный, я тек легчайшею стезей
К причине губительной минутных упоений
И жертвой сделался безмерности страстей...

О Геба юная, услышь мое моленье
И в чувствах воскреси почти погасший жар!
Дай силу прежнюю и право наслажденья,—
Умеренность — тебе мой будет первый дар!..

К СЕЛЬСКОМУ УБЕЖИЩУ

Смирненных душ приют, безбедная обитель,
      Меня мой гений-покровитель
Под сень твою сокрыл от сильных бурных бед.
Я рано жизнь ненастной утомился,
Встречая пред собой гонений мрачный след,
И посох путничий в руках моих сломился.

Оставляя для других блеск пагубных честей,
      Под кровлею твоей
Ужель я не найду желанного покою?
Ужели, брошенный на жертву бурных волн
      Бесчувственной судьбою,

О скалу бедствий злых мой раздробится челн?

Нет, нет! Здесь счастье прямое обитает,
Здесь сон предчувствия меня не устрашает,
Здесь голос петела и трели соловья,
    При блеске утреннем природы,
Приятный, легкий сон уносят от меня
И с каждым днем мой дух живит огонь свободы.

    Фортуна в жизни сей
В удел мне не дала ни злата, ни честей
И путь мой иглами терновыми покрыла,
Зато природа в дар мне тайну стройно петь
    На лире Фебовой открыла,
    Чтоб в ней усладу зреть,
    Чтоб ей хвалы греметь.
Природе-матери мое благодаренье,
Фортуне, и чинам, и золоту презренье.
Пускай мечтатели спешат надежд к концу
И прихотливый рок о благе умоляют,
Пусть курят фимиам неверному слепцу
И с трепетом его веленья исполняют, —

    В уединении моем
    Мне чужд тот гибельный ярем,
Который тяготит безумцев ослепленных.
Я видел бурный свет. Я видел в нем людей,
У коих на сердцах, от злобы закаленных,
Таится страшный яд для ближних, для друзей.

Под небом неродным назначено судьбою
    Мне примирение с собою
И след поросший зреть к обители отца.

Но будь благословен стократ приют смиренный,
Где нежат радости свободного певца —
Среди природы оживленной!

ОСЕНЬ

Идиллия

Давно ль природа воскресала
Из мертвой тишины
И юная весна рукою рассыпала
По бархатным лугам душистые цветы?
Давно ли голос филломы
Авроры золотой приветствовал приход
И сельских граций хоровод
В забавах воспевал природу, май веселый?
Утихли песни их, пернатых смолкнул хор,
И птицы стаями в край теплый отлетают,
Туманы серые долину покрывают,
И листья сбросил бор!
Свирели стройный звук в полях не раздастся,
Ветр буйный с севера несется,
И хладный дождь шумит...
Усталый селянин под кровлею смиренной,
От шума удаленный,
Плоды трудов своих с родной семьей делит.
Цветы поблекшие, деревья обнаженны,
Сей молчаливый вид природы, скрытой в мгле,
Изображает путь вечерний утомленных
Страдальцев на земле.
И нам назначено таинственной рукою
Премени быструю невидимо узнать,
Зреть радость и восторг рассветшею зарею,

«НЕТ, НЕТ, НЕ ИЗМЕНИЮСЬ СВОБОДНОЮ ДУШОЮ...»

Нет, нет, не изменюсь свободно душою
И в самой стороне приветливых цирцей,
Где взоры их горят под дымкою сквозною
Желаньем, негою и пламенью страстей,
Где воздух, кажется, любви жар вдыхает.
Взлелеянный в чаду пороков сибарит
Пред девой каждою пусть выю преклоняет
И, низкий раб страстей, душой порочной спит.
Мой друг, я буду твой, не изменюсь душою.
И чувства юные, восторг и пламень мой,
И ложе роскоши не разделю с другою.
И будет в ревности упрек напрасен твой.

«О МИЛАЯ, ПРОСТИ МИНУТНОМУ СТРЕМЛЕНЬЮ...»

О милая, прости минутному стремлению:
Желаньем движимый причину благ познать,
Могу ли, слабый, я всеильному влечению
Природы-матери в борьбе противустать?
И чувства покорить холодному суждению?
Лауры пламенный певец,
Лаурой вдохновенный,
При <плесках> лавровый венец
В награду получил за свой талант смиренный!
Поэту юному, мне ль вслед ему парить?
Бессмертие удел феномену поэту!
Я не могу, как он, быть изумленьем света,
Но пламенной его могу тебя любить!

ОБЕТ

Еще румянцы на щеках,
    Во взорах сладострастье,
Желанье, роскошь на устах
    Не погасило счастье.
Пускай бессмысленный совет
    Внимает малодушный —
В ком страсти есть, в том страха нет;
    Стыдитесь быть послушны
Рабам, отжившим под луной;
    Здесь парками забыты,
Они забыли жребий свой
    И страшный брег Коциты!..
Друзья! мы смерть предупредим
    На ложе упоенья
И клятвенный обет дадим —
    Не ждать чередой явленья.
Скрепим и длани и сердца!
    С бестрепетной душою
Испьем фиал утех до дна
    И ступим в гроб ногою...

К ЛИРЕ

Когда под тению отеческих садов
В часы беспечности и радости счастливой
Коснусь к твоим струнам и песни звук игривой
Не будет славы ждать средь будущих годов,—

О лира! я молю в минуту вдохновенья,
Когда полет ума, восторг, воображенья

Ничтожной суеты превыше воспарит,—
Да сладкогласием твой звук вдали гремит!

Средь бранных непогод во дни мои молодые
Я Вакха воспевал и ласковых цирцей,
И взоры страстные, и локоны густые,
Развиты на плечах Глицерии моей...

Не ты ль причина услаждения
Громодержавного Зевеса на пирах?
И Феба самого на стройных раменах
Убор и украшенья?

О верный друг моих задумчивых часов!
Внимай всегда, внимай певца молящий зов!..

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИУ

Мой век — как день туманный
Осеннею порой
Пред бурей и грозой —
Средь мрака и забвенья
Течет без возвращенья,
Печалью омрачен.

Ни солнца свет лазурный,
Ни бледный свет луны,
Ни радости весны,
Ни голос филомелы,
Ни нимфы взор веселый
Меня не веселят.

Напрасно к наслажденью
Прелестный Ганимед
Меня с собой зовет!
О юноша счастливый!
Твой взор полустыдливый
Опасен, но не мне.

Ни клич друзей веселых
В час вакховых пиров,
При голосе певцов,
При шуме упоенья,
Меня на путь веселья
Опять не воззовет!

И взор вельможи тихий,
С улыбкой пара слов
И вслед ему льстецов
В приязни уверенье —
Вселяют лишь презренье
К невеждам и льстецам!

От почестей ничтожных —
Средь марсовых полей,
Где братий и друзей
Струится кровь рекою, —
Мой взор, увы, с слезою
Далеко отвращен!

Но, бури уклоненный,
Я радуюсь мечтой!
И тихий голос свой
В минуты вдохновенья
Сливаю с пенопением

Божественных певцов!

ПРИЗНАНИЕ

Хотели знать тому причину,
Что в возрасте цветущих лет
Наскучил мне подлунный свет,
Что я без страха жду кончину?
Внимайте! Истина пером
Моим почти всегда водила.
Еще тоска не изнурила
Мой дух, пылающий огнем, —
Огнем счастливым пеонопенья!
Лиша меня телесных сил,
Еще Сатурн не истребил
Восторг и силу вдохновенья!

Едва шестнадцатой весной,
Как сын природы сильный, вольный,
Собой и жребием довольный,
Я свет увидел пред собой

И, обольщенный блеском славы,
Честей наружной мишурой,
Уже протоптанной тропой
Спешил на путь войны кровавой.
Я видел груды падших тел,
Свист пуль и ядер направленье!
И сам безумием горел.

С холодным взором созерцал
Я рока гибельные кары —
И стон, убийства и пожары,

И сам себя не узнавал!
Прошли минуты заблужденья,
И я вдали увидел свет;
Оставляя мне несродный след,
Спешил в пучину наслажденья.
И вдруг неопытным очам
Толпа прелестниц появилась,
И в сердце пылком страсть родилась;
Я пал к венериным стопам!..

Итак, осьмнадцатой весною
Я дань неверным приносил,
В любви всё благо находил
И страсти жертвовал собою.
Не раз в диванной вечерком
При бледном отсвете лампад,
Страшась завистливых преград,
Я рай любви пил тайком.
Не раз блестящий луч денницы
Меня с восторгом заставлял
Иль сон роскошный прерывал
На персях пламенной девицы.

Не раз пылающая кровь
Меня томила, волновала
И к неге новой наклоняла.
Я пил и счастье и любовь!
Увы! Почто искать измены?
Порочный! Я бросаю взор
На жриц венериных собор
С желаньем сильным перемены —
Я с ними страсть мою делил...
Вдруг гаснет чувство наслажденья,

Здесь кубок полный пресыщенья,
Безумный! я до дна испил...

Мне цвет утехи изменил,
И я, поблекший, утомленный,
Болезнью черной изнуренный,
По свету, как мертвец, ходил
И, слабые бросая взгляды,
Повсюду скорбь и мрак встречал,
Распутниц злобных проклинал,
И сгинул самый луч отрады!
Брожу с полмертвою душой,
И слабнут ноги, меркнут вежды,
К возврату счастья нет надежды,
Я вижу камень гробовой!

Но вот рукою Эскулапа
Исторгнут я из-под косы.
Погибни! Скорбные часы
Пиров! В обитель приими!
Природа для меня цветет,
Я ею снова восхищаюсь
И снова в замыслах теряюсь:
Где благо верное живет?..
То новый <нрзб.> питьем целебным
Мне жизнь для жизни возвратил;
Божественный я нектар пил
Со вкусом, к роскоши врожденном...

О Вакх! Тебя у ног твоих
Я полным кубком прославляю!
С тобой невольно забываю
Причину беспокойств лихих:

Твой глас скорбей моих награда!
Среди собратий, на пирах,
Я трезвых обращаю в страх!..
Мой друг, жрецам твоим отрада!
Отведайте со мною сил
А<раку> иль вина напиться?
Мой дух не устыдится, —
Я, други, мертвой чашей пил!

Не раз бутылки исчезали
В одну минуту предо мной,
Не раз погребщики толпой
Меня с расчетом штурмовали.
Где есть вино — там есть и ум.
Не лез в карман я за словами,
Простыми, краткими речами
Я унимал бурливый шум.
Конечно бы, Катон и Цицерон
Мне в красноречии дивились,
Когда вино и пунш струились,
Когда я слышал рюмок звон!..

Я пью, и всё рекой струится
Бордо, рейнвейн и вендеграв.
Но ух! Среди радостных забав
Весь свет вокруг меня вертится...
Итак, я много, много пил
И до того уже распился,
Что чувств и разума лишился
И хуже твари дикой был!
Ланиты пухлые пылали
Румянцем синим, тусклый взгляд
Являл там влитый в сердце яд,

И члены слабые дрожали.

Стрельба и сильный лом в ногах,
От пищи самой отвращенье,
Средь шуму и забав томленье
И в сердце мертвом — тайный страх
Меня к постели проводили.
И я двадцатою весной
Проклял и жизнь и жребий злой,
Когда недуги посетили
Меня со всех сторон толпой.
Увы! На костылях согбенный,
Как старец, веком удрученный,
Я жил надеждою одной!

О Аристиппы! Эпикуры!
Где ваше благо под луной?
Смотрите, как бегут толпой
К Харону ваши креатуры!
Но всё не вечно. От людей
Сокрыт их жребий неизвестный.
Какой-то чарою чудесной
Моих остаток хилых дней
Врач смелый снова укрепляет.
Но век забав и игр протек,
Всему приспел урочный срок:
Меня ничто не восхищает!

Я видел часто, как блистает
Стекло в оправе золотой;
Я видел, как безумцев рой
В среду величия ступает!
Я видел подлость, дерзость, месть,

Которая в венце сияет!
И как безумец унижает
Таланты, разум, правду, честь!
Презренье им!.. Такой стезею
Могу ль бессмертье получить?
Я был моей отчизны щит,
Теперь пора спешить к покою!

Под кровом родины святой
С пером и книгами в беседе
Я верный путь найду к победе,
Не лъстя наружной мишурой!
Глупцов оставя рассужденье,
Льстецов и низких душ содом,
Где чтут безумие умом
И ложь — за истинное мненье,
Где пустословие толпой
Часы у мудрых отымает!
Нет! Нет! В отчизне ожидает
Меня утраченный покой.

БЕСПЛОДНАЯ ЛЮБОВЬ

Вдали от милых фей задумчивый брожу
И силу верного рассудка отвергаю;
На вакховых пирах потупя взор сижу
И трезвый, други, вас за чашей оставляю.

Зельмира гордая признанья нежный глас,
Как бы из милости, с беспечностью внимала;
На слезы, на восторг — с насмешкою отказ;
И двери навсегда безумцу указала...

О боги радостей! зарею пылких лет
Пусть я не ведаю страданий и напасти;
Доступны будьте вы, услышьте мой обет —
И в девственную грудь вдохните силу страсти!

Отвергнуты мольбы... и Вакх, вожатый мой,
Нескладный строй вдохнул в гармонию цевницы,
И музы прочь бегут, и жребий роковой
Начертан на челе цитерския царицы!

ГЛАС ПРАВДЫ

Сатурн губительной рукою
Изгладит зданья городов,
Дела героев, мудрецов
Туманною покрое тьмою,
Иссушит глубину морей,
Воздвигнет горы средь степей,
И любопытный взор потомков
Не тщетно ль будет вопрошать:
Где царства падшие искать

Среди рассеянных обломков?..

Где ж узрит он твой бранный прах,
Сын перси слабый и надменный?
Куда с толпою, дерзновенный,
Неся с собою смерть и страх,
По трупам братьев убиенных,
Среди полей опустошенных
[Ты вслед стремился за мечтой —
И пал!.. Где ж лавр побед и славы?]
Я зрю вокруг следы кровавы
И глас проклятий за тобой!..

Полмертвый слабый сибарит,
Мечтой тщеславия вспоенный
И жизнью рано пресыщенный,
Средь общих бедствий в неге спит.
Проснись, сын счастья развращенный!
Взгляни на жребий уреченный:
Тебя предвременно зовет
Ко гробу смерти глас унылый,
Никто над мрачною могилой
Слезы сердечной не прольет.

Вельможа, друг царя надежный,
Личина истины самой,
Покрыл порок корысти злой,
Питая дух вражды мятежной.
Каких ты ждешь себе наград?
Тебе награда — страшный ад;
Народ, цепями отягченный,
Ждет с воплем гибели твоей.
Голодных добыча червей,

Брось взор ко гробу устрашенный...

Тиран, как гордый дуб, упал,
Перуном в ярости сраженный,
И свет, колеблясь, изумленный
С невольной радостью взирал,
Как шаткие менялись троны,
Как вдруг свободу и законы
Давал монарх — граждан отец —
И цепи рабства рвал не силой,—
Тебя ждет слава за могилой,
Любовь детей — Тебе венец!

ПЛАЧ НЕГРА

Задумчив, устремя к луне унылы очи,
Несчастный сын степей под пальмою родной
Стоял недвижимо в часы глубокой ночи,
И пращ его и лук с губительной стрелой
Разбросаны. И конь, товарищ бурной битвы,
По шелковой траве медлительно бродил.
И пес — сей верный страж, сей быстрый сын
ЛОВИТВЫ —

Лежал и лай ночной с боязнью притаил.
И мрак и тишина полуночной природы
Питали мысль его отчаянной мечтой.
И он — сей белых бич, сей гордый сын свободы —
Ланиты оросил горячею слезой!

«Нет радости в мире, нет Зоры со мною!
Я видел ветрила вдали кораблей,
Несущих добычу драгую стрелой
Далеко от милых отчизны полей!

Ах! мог ли провидеть отмщение рока?
Сегодня, зарею, колено склоня
Пред ярким сияньем светила востока,
Я чувствовал благодать небесна огня!
От братий веселых чрез дебри и горы
Помчался я к милым родным шалашам,
Ласкаясь мечтою в объятиях Зоры
И в ласках младенца дать отдых трудам!»

ПУТЬ К СЧАСТЬЮ

Шумите, волны! ветер, бушуй,
И, тучи черные, вокруг меня носитесь!
Мой ясен взор, покоен дух,
И чувства тихие не знают страсти бурной,
И я узнал покой
В свободе золотой!
Стремитесь на войну, сыны побед и славы!
Кровавый меч не нужен мне:
Храним пенатами, я цену наслаждений
Близ милых мне опять узнал;
Под сению родною
Здесь счастье со мною.
Опасен свет — и радость в нем
Подвержена всегда судьбине переменной.
Под тенью лип покоюсь я,
Вкушая сладкий мед, из милых рук налитый;
И мысль и голос слов
Не ведают оков!
Пусть среди роскоши Лукуллы утопают:
Их жизнь — не жизнь, но мрачный сон;
Их участь славная достойна состраданья;

Им чужд покой — и бедствий тьма
Тревожит наслажденья
В минуты сновиденья.
Не слышен глас Зоилов мне,
И пышный, ложный блеск меня не обольщает;
Пускай сатрап дает закон
Искателям честей улыбкою одной!
Здесь с музою моей
Я не зову честей!
Хотите ль, смертные, путь к счастью сокровенный
В сей жизни временной найти?
Покиньте замыслы к бессмертию ничтожны
И бросьте лавр и посох свой —
В объятиях природы,
Пред алтарем свободы.

РАЗЛУКА

Денница ли взойдет — она напоминает
Разлуку горькую и скорбный жребий мой!
Сей самый луч мою Шарлоту освещает, —
Гордись, светило дня, безвестной красотой!
Повеет ли зефир под тению древесной —
Его мой ищет взор, душа летит вослед...
Быть может, там ласкал он грудь моей прелестной
И в резвости своей забыл принести ответ.
Быть может, в этот миг взор милья унылой
В светиле полночи блуждает, как и мой, —
И мысль, в один предмет сливаясь тайной силой,
Живит и прошлое, и будущность мечтой!

«Пришлец! здесь родина твоя...»

Пришлец! здесь родина твоя —
Впервые светлая заря
Здесь взор твой озарила,
Здесь колыбель твоя была
И праотцев твоих могила!
Здесь первые дары природа излила
На юношеский ум беспечный, откровенный,
Здесь в жертву бурных бед, судьбою обреченный,
Ты самовластия не знал еще страстей —
Но буря над тобой поникла грозовая...
И, милые поля отчизны оставляя,
Оставил навсегда ты мир невинных дней!
Здесь те ж источника резвящиеся воды,
Близ коих я в часы туманной непогоды
Смотрел на радужный восход
И взором измерял стремленье туч бегущих
Иль в утро летнее лазурный небосвод
Сличал с поверхностью зыбей быстротекущих,
То ж солнце, тот же дня и вечера обзор,
Те ж мирные и рощи и долины...
Почто ж унылый взор
Не видит прежней в них пленительной картины?
Погибло всё, как сон с младенческой мечтой!
Утрата сильная душевный свободы
Разнообразное величие природы
Слила для чувств под цвет и грубый и простой!

ЭЛЕГИЯ I

(«Раздался звон глухой... Я слышу скорбный глас...»)

Раздался звон глухой... Я слышу скорбный глас,
Песнь погребальную вдали протяжным хором,
И гроб, предшествуем бесчувственным собором.
Увы! То юноша предвременно угас!
Неумолимая невинного сразила

Зарею юных дней

И кров таинственный, неведомый открыла
Для горести отца, родных его, друзей.
Ни плач, ни жалобы, ни правое роптанье
Из вечной тишины его не воззовут.
Но скорбь и горести, как легкий ветер, пройдут.
Останется в удел одно воспоминанье!..
Где стройность дивная в цепи круговраченья?

Где ж истинный закон природы, путь прямой?
Здесь юноша исчез, там старец век другой,
Полмертв и полужив, средь мрачного забвенья
Живет, не чувствуя ни скорби, ни веселья...
Здесь добродетельный, гонимый злой судьбой,
Пристанища себе от бури и ненастья

В могиле ждет одной...

Злодей средь роскоши, рабынь и любострастья
С убитой совестью не знает скорби злой.

Как тучей омрачен свет ранняя денница,
Дни юные мои средь горести текут,
Покой и счастье в преддверии гробницы
Меня к ничтожеству таинственно ведут...
Но с смертию мой дух ужель не возродится?

Ужель душа моя исчезнет вся со мной?
Ужели, снедь червей, под крышей гробовой
Мысль, разум навсегда, как тело, истребится?
Я жив, величие природы, естество
Сквозь мрак незнания, завесу сокровенну,
Являют чудный мир, и в мире — божество!
И я свой слабый взор бросаю на вселенну,
Порядок общий зрю: течение светил,
Одногодичное природы измененье,
Ко гробу общее от жизни назначенье,
Которые не кто, как Сильный, утвердил.
Почто же человек путем скорбей, страданья,
Гонений, нищеты к погибели идет?
Почто безвременно смерть лютая сечет
Жизнь юноши среди любви очарованья?
Почто разврат, корысть, тиранство ставят трон
На гибели добра, невинности, покою?
Почто несчастных жертв струится кровь рекою
И сырых и вдовиц не умолкает стон?
Убийца покровен правительства рукою,
И суеверие, омывшись в крови,
Безвинного на казнь кровавою стезею
Влечет, читая гимн смиренью и любви!..
Землетрясения, убийства и пожары,
Болезни, нищету и язвы лютой кары
Кто в мире произвесть устроенном возмог?
Ужель творец добра, ужели сильный бог?..

.....
Но тщетно я стремлюсь постигнуть сокровенье;
Завесу мрачную встречаю пред собой —

И жду минуты роковой,
Когда откроется мрак тайный заблужденья...
Никто не вразумит, что нас за гробом ждет,

Мудрец с унынием зрит в будущем исленье,
Злодей со трепетом исление зовет,
Бессмертие души есть страх для преступленья,
Измерить таинства и Сильного закон
Не тщетно ль человек в безумии стремится?
Круг жизни временный мгновенно совершится,
Там — благо верное, а здесь — минутный сон.

ЭЛЕГИЯ II

(«Шумит осенний ветер, долины опустели!...»)

Шумит осенний ветер, долины опустели!
Унынье тайное встречает смутный взор:
Луга зеленые, дубравы пожелтели;
Склонясь под бурями, скрипит столетний бор!
В ущелья гор гигант полночный ополчился,
И в воды пал с высот огнекрылатый змий...
И вид гармонии чудесной пременился
В нестройство зримое враждующих стихий,
С порывом в берега гранитные плескает
Свирепый океан пенистою волной!
Бездонной пропастью воздушна хлябь зияет,
День смежен с вечностью, а свет его — со тьмой!..

Таков движений ход, таков закон природы...
О смертный! Ты ль дерзнул роптать на промысл твой?
Могущество ума, дух сильный, дар свободы
Не высят ли тебя превыше тьмы земной?..
Скажи, не ты ль дерзнул проникнуть сокровенье?
И Прометеев огонь предерзостно возжечь?
Измерить разумом миров круговращенье
И силу дивную и огонь громов пресечь?
По влаге губительной открыть пути несчетны,

В пространстве целого атом едва приметный?
Взор к солнцу устремя, в эфире воспарить?
И искру божества возжечь уразумением
До сил единого, до зодчего миров?
О, сколь твой дух велик минутным появлением!
Твой век есть миг, но миг приметен в тьме веков;
Твой глас струнами лир народам передастся
И творческой рукой их мрак преобразит,
Светильник возгорит!.. гармония раздастся!..
И в будущих веках звук стройный отразит!..

Но кто сей человек, не духом возвышенный,
Но властью грозною народа облечен?
Зачем в его руках сей пламенный возжженный,
Зачем он стражею тройною окружен?..
Отец своих сынов не может утрашиться...
Иль жертв рыдающих тирану страшен вид?
Призрак отмщения в душе его гнездится,
Тогда как рабства цепь народ слепой теснит.
Так раболепствуйте: то участь униженных!
Природы смутен взор, она и вам есть мать;
Чего вы ищите среди братьев убиенных?
Почто дерзаете в безумии роптать
На провидение, на зло и трон порока?..
Жизнь ваша — слепота, а смерть — забвенья миг;
И к цели слабых душ ничтожеству дорога;
.....
Свирепствуй, грозный день!.. Да страшною грозою
Промчится не в возврат невинных скорбь и стон,
Да адские дела померкнут адской тьмою...
И в бездну упадет железной злобы трон!
Да яростью стихий минутное нестроительство
Устройство вечное и радость возродит!..

Врата отверзнутся свободы и спокойства —
И добродетели луч ясный возблестит!..

СМЕЮСЬ И ПЛАЧУ **(Подражание Вольтеру)**

Смотря на глупости, коварство, хитрость, лесть,
Смотря, как смертные с холодною душою
Друг друга режут, жгут и кровь течет рекою

За громозвучну честь;

Смотря, как визири, пошевели усами,
Простого спагиса, но подлого душой,

Вдруг делают пашой,

Дают — луну, бунчук и править областями;
Как знатный вертопрах, бездушный пустослов
Ивана rebours[49] с Семеном гнет на двойку

Иль бедных поселян, отнявши у отцов,

Меняет на скворца, на пуделя иль сойку,

И правом знатности везде уважен он!..

Как лицемер, ханжа, презря святой закон,

В разврате поседев, гарем по праву власти

Творит из слабых жертв его презренной страсти,

Когда невинных стон волнует грудь мою,—

Я слезы лью!

Но если на меня фортуна улыбнется

И если, как сатрап персидский на коврах,

Я нежуся в Армидиных садах,

Тогда как вкруг меня толпою радость вьется

И милая ко мне с улыбкою идет

И страстный поцелуй в объятиях дает

В награду прежних мук, в залог любви нежной,

И я вкушаю рай на груди белоснежной!..

Или в кругу друзей на вакховых пирах,

Когда суждение людей, заботы, горе
Мы топим в пуншевое море,
Румянец розовый пылает на щеках,
И взоры радостью блистают,
И беспристрастные друзья
Суждены смелому, шумя, рукоплещают, —
Тогда смеюсь и я!

Взирая, как Сократ, Овидий и Сенека,
Лукреций, Тасс, Колумб, Камознс, Галилей
Погибли жертвою предрассуждений века,
Интриг и зависти иль жертвою страстей!..
Смотря, как в нищете таланты погибают,
Безумцы ум гнетут, знать право воспрещают,
Как гордый Александр Херила другом звал,
Как конь Калигулы в сенате заседал,
Как в Мексике, в Перу, в Бразилии, Канаде
За веру предают людей огню, мечу, —
На человечество в несноснейшей досаде,
Я слезы лью!..

Но после отдыха, когда в моей прихожей
Не кредиторов строй докучливых стоит,
Но вестник радостный от девушки пригожей,
Которая «люблю! люблю!» мне говорит!
Когда печальный свет в мечтах позабываю
И в патриаршески века переносюсь,
Пасу стада в венце, их скиптром подгоняю,
Астреи вижу век, но вдруг опять проснусь...
И чудо новое: Хвостова сочиненья,
Я вижу, Глазунов за деньги продает,
И, к довершению чудес чудотворенья, —
Они раскуплены, наш бард купцов не ждет!..
Иль Сумарокова, Фонвизина, Крылова
Когда внимаю я — и вижу вокруг себя

Премудрость под седлом, Скотинина... [50]

Тогда смеюсь и я!

САТИРА НА ПРАВЫ

Мой друг! в наш дивный век — науками, искусством,
И россов доблестью, и благородства чувством
Любви к отечеству достойных сограждан,
В наш новый век, когда властитель и тиран
Несметных орд к нам внес убийства и пожары
И провидения испытывал удары,
Сея в триумф побед постыдный бег и страх...
И трупы хищников рассеялись в полях,
Когда прошедшее из книги современной
Мечом росс вырубал и, лавром покровенный,
Секване начертал постыдный приговор...

Когда вселенной взор

России <быстрый> бег к величию измеряет
И подвиги ее в истории читает, —
Возможно ли! тогда, забыв свой подвиг славы,
Чудесно исказя и нрав и разум свой,
Здесь дети робкие с изнеженной душой
В очах невежества чтут модные уставы,
И наши знатные отечества столпы
О марсовых делах с восторгом рассуждают...
С утра до вечера за картами зевают,
А жены их, смеясь, в боскетах нежны лбы
Иноплеменными рогами украшают...
Но свет орангутанг, и мы живем в том свете,
Где дым тщеславия рассудок закурил
И многих мудрецов в паяцы нарядил.

У всякого одно в предмете —

И бедный Ир с клюкой
Под добрый час себя с Юпитером равняет...
И кучи золота, и царства рассыпает,
И наслаждается мечтой!..
Всё в свете допустить возможно,
Но быть игрушкою шутов и обезьян
В сей славный век для нас постыдно и безбожно.
Напрасно умный наш певец,
Любовью чистою к отчизне возбужденный,
И нравам и умам чумы иноплеменной
С войною хочет дать конец!
Мартышка весь свой век не устает кривляться,
Для подражания; бесхвостый, без ушей,
Престанет ли осел кряхтеть и спотыкаться?
Из всех гражданских зол — всего опасней, злей
Для духа нации есть чуждым подражанье,
Но спорить не хочу, смешно в осьмнадцать лет
В уборе дедовском явиться в шумный свет
И с важностью начать другое подражанье.
Но, друг мой! переждем — эпоха началась,
И наше сбудется желанье...
Орел с одним орлом стремится в состязанье.
Гражданства искра в нас зажглась —
И просвещение спасительной рукою
Бальзам свой разольет в болезненных умах,
И с новою зарею
Исчезнет, может быть, еще неверный страх.

ОТРЫВОК

(«Там далее: провинциал Минос...»)

Там далее: провинциал Минос,
<Он> указательным перстом чертит законы;
С улыбкой важною, поднявши красный нос,
Он проповедует, как межевать законы,

Как Ева и Адам

В раю поссорились за несогласность мненья,
Как Гавриил их бил пребольно по плечам;
Как трудно было им тягаться по судам
За родовое их отцовское именье;
Как был когда-то царь, ему прозвание Петр,
Что первый он завел в России фраков моды;
Что есть орудие — названьем барометр...
Что за морем живут арабы иль уроды...
И все в безмолвии, с преклонной головой
Глаголу мудреца столь важного внимают,
И изредка, когда он скажет вздор пустой,
Они с почтением ему рукоплескают.
И сей великий муж, сей грозный судия,
Уездный меценат и удивленье света,
Из милости свой взор бросает на меня

Наместо пышного ответа.

Представь же, добрый мой и несравненный друг,
Сей свет, исполненный столь дивными умами,—
Там злобу и разврат, а здесь безумцев круг,
Там царедворцев строй с предлинными ушами,
Здесь женщин, дышащих коварством, суетой,
И новых мессалин в нимфомании злобной...

.....
Здесь... едва простым пером

Могу изобразить картину преступлений,

Насильств и ужасов мегеры модной, злой,
Терзающей народ жезлом постановлений.
Кровавый пот с лица, печальный, смутный взор,
Согбенны рамена и впалые ланиты,
И дряхлость ранняя, и вокруг детей собор —
Истлевшим рубищем покрыты;
Шалаш, ни от дождя и зноя и зимой
От вьюг и холода, от бури и ненастья
Не защищаемый и кровлею простой,
И вокруг следы нужды, печалей и несчастья —
Суть призраки тех жертв, которые в трудах
Свой век для гордых чад корысти сокращают
И все сокровища из недр земли, в водах
Для расточения владельцев извлекают!
И, в довершение, невинных дочерей
И юных жен — одно несчастных достоянье —
Влачит к растлению седой прелюбодей
И на уста кладет ударами молчанье!
Но полно, я боюсь, чтоб чувств свободный жар
Не сделал страшную столь важную картину,
Чтоб друга твоего несовершенный дар
Не выразил не так ужасных зол причину!!!
Льзя ль видеть бед ярмо и духом не страдать?
Льзя ль в обществе невежд, средь злых
и преступленья,
Где добродетель есть как злоехидный тать,
Где зависть черная под видом снисхожденья,
Где воздух заражен пороков смрадной мглою,—
Льзя ль, говорю, довольным быть судьбою
Льзя ль мизантропии одежду не носить?
Дитя и женщины бегут за мишурою,
А сердце робкое, нетвердый, слабый ум
Утешен призраком и тешится мечтою;

Но человек среди своих великих дум
Зреть должен — истину, прелестну наготою.

.....

О, сколько раз с собой

Я в изысканиях терялся отвлеченных,
Здесь видел образец создания смешной,
А там великое — но с целию презренной!..
Напрасно б стал тебе систему созидать
Вслед Канту, Шеллингу и многим им подобным.

Субъект, объект — велит молчать

О пышной глупости всех тварей земнородных.
Я знаю цель мою и сей ничтожный дар,
Дар жизни, связь души с началом разрушенья, —
И слабый мой талант и песнопенья жар
Слабеет с мыслию — минутного явленья.
Никто не вразумил, что нас за гробом ждет,
Ни тысячи волхвов, ни книги Моисея,
Ни мужи дивные, гласящи дивный сброд,
Ни гений Лейбница в листах «Феодицеи».
И червь, и я, и ты, и целый смертный род
Для будущих времен пройдет, как блеск Элиды.
Скажи мне, где народ обширной Атлантиды?
Вот связь — всех сущих здесь и общий сей закон,
Не испытующий в движеньях перемены!
А смертных глупый род, пуская глупый стон,
В веригах алчности, злодейств, убийств, измены
Вседневно к олтарю Химеры вопиет...
И мнит в пустой мольбе обречь свое спасенье,
Бессмертные то здесь, то там в безвестном ждет
И гибнет жертвою скорбей и злосключенья...

.....

ОТРЫВОК

(«Безумцы, ограждаясь обрядами, мольбой...»)

Безумцы, ограждаясь обрядами, мольбой
И верой, следствием вериг предрассуждения,
    Чем ближе к крыше гробовой,
Тем злоба их сильней, тем чаще преступленья.
В груди с ехидною, с поникшею главой,
Со взором, алчущим неутолимой мести,
    Слепцы под сединой
Идут порокам вслед, как вслед добра и чести!
Страшусь и бегая от обществ и судей,
Где слышу грозное пифическое мненье,
Смысл многозначаций бессмысленных речей,
Где всё против меня кричит с ожесточеньем
Не верит кошкам он, не верит чесноку,
Не верит мумии всесильной Озириса,
Не верить он дерзнул спасителю быку
И храмы позабыл священные Мемфиса!

КАРТИНА БУРИ

Солнце покрылось серою мглой,
Тучи, спираясь, быстро несутся...
Вихрь, сотрясая листья с дерев,
С шумом и силой дол пробегает
И воздымает в воздухе прах;
Враны над бором стаей вьются,
    Нивы клубятся волной.
Подернут горизонт полуночною тьмой,
И молния вдали из бурных туч сверкает;
Перун отзывами грохочет за горой,

И эхо гул его в утесах раздробляет!

С ветром холодным падает дождь,
Сосны и ели со скрипом трясутся,
Волны, волнуясь быстрой струей,
Пеною желтой в берег плескают,
Дикие гуси скрылись в тростник;
Шумом внезапным вол уstraшенный,
Вкруг озираясь, ревет.

Гигантов бурных строй по высоте летит,
И молния, висясь, кругом во мраке блещет!
Удар удару вслед гром яростный вторит
И смертоносные перуны долу мечет!

Здесь дева робкая дрожит,
Взор старца к небу устремился!
Пловец в волнах погибель зрит,
Оратай в ближний лес сокрылся.
Сильней и ветер и дождь шумит,
Огонь бледный заревом мерцает;
Перун из черных туч летит,
И раздробленный дуб пылает!..

К МОЕЙ СПЯЩЕЙ

Ты спишь... и сладостен покой
Любови нежной,
Сон сладкий, безмятежный

Не прерывается печальной мечтой!
В чертах твоих добро с любовью сияют,
Не дар искусства, нет! — природы дар одной,—
И локоны, клубясь по раменам волной,
От смелых взоров грудь стыдливую скрывают.

ПЕСНЬ НЕВОЛЬНИКА

Пенаты добрые, отчизны берег милый,
Поля родимые, где в юности счастливой
Мой век с беспечностью покойно, мирно тек,
Простите навсегда! Окованный цепями,

Я скорбь делю с слезами,

И сир и одинок!

Страдалец немощный, отец чадолюбивый!
Кто даст тебе приют покойный и счастливый?
Увы! изведать скорбь тебе назначил рок
У гроба хладного вечернею зарею:

Твой сын уж не с тобою,

Он сир и одинок!

Давно ль в обители спокойной, безмятежной
С детьми-малютками и матерью их нежной
Я радости вкушал?.. Но злобный дух прорек
Разлуку горькую с супругой, сиротами —

И я томлюсь цепями,

Я сир и одинок!

Товарищи-друзья! и с вами разлученный,
Не буду более под тенью лип смиренных
Я счастьем гимны петь: миг радостей протек!
На чуждой стороне, игральнице судьбины,

Я жду бедам кончины

И сир и одинок!

ТЮРЕМНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ 1822–1824

К ДРУЗЬЯМ В КИШИНЕВ

Итак, я здесь... за стражей я...
Дойдут ли звуки из темницы
Моей расстроенной цевницы
Туда, где вы, мои друзья?
Еще в полусвободной доле
Дар Гебы пьете вы, а я
Утратил жизни цвет в неволе,
И меркнет здесь заря моя!
В союзе с верой и надеждой,
С мечтой поэзии живой
Еще в беседе вечеровой
Шумит там голос ваш мятежный.
Еще на розовых устах,
В объятьях дев, как май, прекрасных
И на прелестнейших грудях
Волшебниц милых, сладострастных
Вы рвете свежие цветы
Цветущей девства красоты.
Еще средь пышного обеда,
Где Вакх чрез край вам вина льет,
Сей дар приветный Ганимеда
Вам негой сладкой чувства жжет.
Еще расцвет душистой розы
И свод лазоревых небес
Для ваших взоров не исчез.
Вам чужды темные угрозы,
Как лед, холодного суда,
И не коснулась клевета

До ваших дел и жизни тайной,
И не дерзнул еще порок
Угрюмый сделать вам упрек
И потревожить дух печальный.
Еще небесный воздух там
Струится легкими волнами
И не гнетет дыханье вам,
Как в гробе, смрадными парами.
Не будит вас в ночи глухой
Угрюмый оклик часового
И резкий звук ружья стального
При смене стражи за стеной.
И торжествующее мщенье,
Склонясь бессовестным челом,
Еще убийственным пером
Не пишет вам определенья
Злодейской смерти под ножом
Иль мрачных сводов заключенья...
О, пусть благое провиденье
От вас отклонит этот гром!
Он грянул грозно надо мною,
Но я от сих ужасных стрел
Еще, друзья, не побледнел
И пред свирепую судьбою
Не преклонил рамен с главою!
Наемной лжи перед судом
Грозил мне смертным приговором
«По воле царской» трибунал.
«По воле царской?» — я сказал,
И дал ответ понятным взором.
И этот черный трибунал
Искал не правды обнаженной,
Он двух свидетелей искал

И их нашел в толпе презренной.
Напрасно голос громовой
Мне верной чести боевой
В мою защиту отзывался,
Сей голос смелый пред судом
Был назван тайным мятежом
И в подозрении остался.
Но я сослался на закон,
Как на гранит народных зданий.
«В устах царя, — сказали, — он,
В его самодержавной длани,
И слово буйное „закон“
В устах определенной жертвы
Есть дерзновенный звук и мертвый...»
Итак, исчез прелестный сон!..
Со страхом я, открывши вежды,
Еще искал моей надежды —
Ее уж не было со мной,
И я во мрак упал душой...
Пловец, твой кончен путь подбрежный,
Мужайся, жди бедам конца
В одежде скромной мудреца,
А в сердце — с твердостью железной.
Мужайся! Близок грозный час,
И, может быть, в последний раз
Еще окину я глазами
Луга, и горы, и леса
Над светлой Тирасы струею,
И Феба золотой стезею
Полет по чистым небесам
Над сердцу памятной странею,
Где я надеждою дышал
И к тайной мысли устремлял

Взор светлый с пламенной душою.
Исчезнет всё, как в вечность день;
Из милой родины изгнанный,
Средь черни дикой, зверонравной
Я буду жизнь влачить, как тень,
Вдали от ветреного света,
В жильё тунгуса иль бурета,
Где вечно царствует зима
И где природа как тюрьма;
Где прежде жертвы зверской власти,
Как я, свои влачили дни;
Где я погибну, как они,
Под игом скорбей и напастей.
Быть может — о, молю душой
И сил и мужества от неба! —
Быть может, чёрный суд Эреба
Мне жизнь лютее смерти злой
Готовит там, где слышны звуки
Подземных стонов и цепей
И вопли потаенной муки;
Где тайно зоркий страж дверей
Свои от взоров кроет жертвы.
Полунагие, полумертвы,
Без чувств, без памяти, без слов,
Под едкой ржавчиной оков,
Сии живущие скелеты
В гнилой соломе тлеют там,
И безразличны их очам
Темницы мертвые предметы.
Но пусть счастливейший певец,
Питомец муз и Аполлона,
Страстей и бурной думы жрец,
Сей берег страшный Флегетона,

Сей новый Тартар воспоеет:
Сковала грудь мою, как лед,
Уже темничная зараза.
Холодный узник отдает
Тебе сей лавр, певец Кавказа;
Коснись струнам, и Аполлон,
Оставя берег Альбиона,
Тебя, о юный Амфион,
Украсит лаврами Бейрона.
Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шепотом роптать.
Пора, друзья! Пора воззвать
Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена.
Когда ж дойдет до вас, о други,
Сей голос потаенной муки,
Сей звук встревоженной мечты?
Против врагов и клеветы
Я не прошу у вас защиты:
Враги, презрением убиты,
Иссохнут сами, как трава.
Но вот последние слова:

Скажите от меня О<рлов>у,
Что я судьбу мою сурову
С терпением мраморным сносил,
Нигде себе не изменил
И в дни убийственный жизни
Немрачен был, как день весной,
И даже мыслью и душой
Отвергнул право укоризны.
Простите... Там для вас, друзья,
Горит денница на востоке
И отразилась заря
В шумящем кровию потоке.
Под тень священную знамен,
На поле славы боевое
Зовет вас долг — добро святое.
Спешите! Там волкальный звон
Поколебал подземны своды
И пробудил народный сон
И гидру дремлющей свободы!

ПЕВЕЦ В ТЕМНИЦЕ

О, мира черного жилец!
Сочти все прошлые минуты;
Быть может, близок твой конец
И перелом судьбины лютой!

Ты знал ли радость — светлый мир,
Души награду непорочной?
Что составляло твой кумир —
Добро иль гул хвалы непрочной?

Читал ли девы молодой
Любовь во взорах сквозь ресницы?
В усталом сне ее с тобой
Встречал ли яркий луч денницы?

Ты знал ли дружества привет?
Всегда с наружностью холодной
Давал ли друг тебе совет
Стремиться к цели благородной?

Дарил ли щедрою рукой
Ты бедных золотом и пищей?
Почтил ли век под сединой
И посещал ли бед жилища?

Одним исполненный добром
И слыша стон простонародный,
Сей ропот робкий под ярмом,
Алкал ли мести благородной?

Сочти часы, вступя в сей свет,
Поверь протекший путь над бездной,
Измерь ее — и дай ответ
Потомству с твердостью железной.

Мой век, как тусклый метеор,
Сверкнул в полночи незримый,
И первый вопль как приговор
Мне был судьбы непримиримой.

Я неги не любил душой,
Не знал любви, как страсти нежной,
Не знал друзей, и разум мой

Встревожен мыслию мятежной.

Забавы детства презирал,
И я летел к известной цели,
Мечты мечтами истреблял,
Не зная мира и веселий.

Под тучей черной, грозовой,
Под бурным вихрем истребленья,
Средь черни грубой, боевой,
Средь буйных капищ развращенья

Пожал я жизни первый плод,
И там с каким-то черным чувством
Привык смотреть на смертный род,
Обезображенный искусством.

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе,

И вера, щит царей стальной,
Узда для черни суеверной,
Перед помазанной главой
Смиряет разум дерзновенный.

К моей отчизне устремил
Я, общим злом пресытясь, взоры,
С предчувством мрачным спросил
Сибирь, подземные затворы;

И книгу Клии открывал,

Дыша к земле родной любовью;
Но хладный пот меня объял —
Листы залиты были кровью!

Я бросил свой смиренный взор
С печалью на кровавы строки,
Там был подписан приговор
Судьбою гибельной, жестокой:

«Во прах и Новгород и Псков,
Конец их гордости народной.
Они дышали шесть веков
Во славе жизньию свободной».

Погибли Новгород и Псков!
Во прахе пышные жилища!
И трупы добрых их сынов
Зверей голодных стали пища.

Но там бессмертных имена
Златыми буквами сияли;
Богopodobная жена,
Борецкая, Вадим, — вы пали!

С тех пор исчез, как тень, народ,
И глас его не раздавался
Пред вестью бранных непогод.
На площади он не собирался

Сменять вельмож, смирать князей,
Слагать неправые налоги,
Внимать послам, встречать гостей,
Стыдить, наказывать пороки,

Войну и мир определять.
Он пал на край своей могилы,
Но, рано ль, поздно ли, опять
Восстанет он с ударом силы!

НА СМЕРТЬ МОЕГО СКВОРЦА

Еще удар душе моей,
Еще звено к звену цепей!
И ты, товарищ тайной скуки,
Тревог души, страданий, муки,
И ты, о добрый мой скворец,
Меня покинул наконец!
Скажи же мне, земной пришлец,
Ужели смрад моей темницы
Стеснил твой дух, твои зеницы?
Но тихо всё... безмолвен он,
Мой юный друг, мой Пелисон,
И был свидетель Абеон
Моей встревоженной разлуки!
Так верю я, о жрец науки,
Тебе, о мудрый Пифагор!
Не может быть сей ясный взор,
Сей разногласный разговор,
Ко мне прилет его послушный
Уделом твари быть бездушной:
Он создан с нежною душой,
Он, верно, мучился тоской...
Как часто резвый голос свой
Он изменял на звук печальный,
Как бы внимая скорби тайной.

О вы, жестокие сердца!
Сотрите стыд души с лица,
Учитесь чувствам от скворца!
Он был не узник — и в темнице.
Летая вольных птиц в станице,
Ко мне обратно прилетал;
Мою он горесть уважал,
Для друга вольность забывал!
И все за то его любили,
И все за то скворца хвалили,
Что он, средь скорби и недуг,
И в узах был мне верный друг.
Что он ни мщенья, ни мук
Для друга в узах не боялся
И другу смело улыбался.
Когда ж, как ржавчиною сталь,
Терзала грудь мою печаль,
Кому ж? — скворцу лишь было жаль!
И мнилось — пел мой друг сердечный:
«Печаль и жизнь не бесконечны».
И я словам его внимал,
И друга нежного ласкал,
И вдруг свободнее дышал.
Когда ж вражда со клеветою
В суде шипели предо мною
И тщетно я взывал права,
Он пел ужасные слова:
«Враги иссохнут, как трава».
И были то последни звуки,
И умер мой скворец со скуки!
О вы, жестокие сердца,
Сотрите стыд души с лица,
Учитесь чувствам от скворца!

СТИХОТВОРЕНИЯ ПЕРИОДА ССЫЛКИ 1828–1846

ПОСЛАНИЕ К К...НУ

Изгнанник с маем и весной
Тебя приветствует, друг милый.
Опять зимы безмолвной и унылой
Темничный образ пред тобой
Природы девственной сменился красотой...
А для меня — прошла весна!..
Очаровательной улыбкою она
Тоски по родине, привычного роптанья,
Печальных дум и бед воспоминанья
Не истребит в душе отжившей и немой.
Там, за вершинами Урала,
Осталось всё, что дух питало мой,
И вера и любовь, — я внес сюда с собой
Лишь муки страшные Тантала!
Зачем затворника надежда обольщала?
Зачем алкал он видеть край родной?
Прижать друзей к груди, измученной тоской,
И шестилетнюю неволю,
Борьбу с судьбой, страдальческую долю —
Опять в беседе вечевой,
При кликах радости мятежной,
Забыть за чашей круговой?
Или с любовницей младой
Отдать всё прошлое порывам страсти нежной?..
Зачем коварные мечты

Мой ум младенческий прельщали?
Зачем прекрасные цветы
Над бездной путь терновый застилали?
К чему коварный этот сон?
Я был давно к страданиям приучен, —
Шесть лет дышал темничною печалью
И грозный рок мне грудь сковал
Несчастьем, как закаленной сталью.
Зачем я благ земных желал,
Сдружившись с жизнью неземною,
И примирения искал
С людьми и грозною судьбою?
Они смеялись надо мною...
О, если б сто подземных жерл
Дохнуло пламенной лавой
На этот род безумный и лукавый!
Без слез, без горести б смотрел
На гибель их, на огненные волны,
И, провидением довольный,
Я б этот час благословлял,
Как будто заблестал мне первый луч денницы.
Но нет! Зачем удар карающей десницы
Противу немощных слепцов?
Они из приторных наемницы сосцов,
Еще повитые, как цепью, пеленами,
Глотали алчными устами
Всё грязное, всё низкое, как прах!
Ярем невольничий — их доля в колыбели,
Болезнь младенчества — их доля в седицах.
Знакомо ль им стремленье к славной цели,
К стяжанию победного венца?
Нет! Нет! Не внятен им волшебный глас певца,
Волнующий возвышенные страсти,

Вливающий небесный дух в сердца
И возвышающий наш дух среди напасти!
В душе бесчувственность и на челе позор,
    Пред слабым — власти наглый взор,
    И рабство — пред судьбой и силой,
Неверие в устах и бледность пред могилой —
    Не есть ли их постыдное клеймо?
Нет! Нет! Не обмену моей жестокой доли
    На это славное ярмо,
На эту цепь приманчивой неволи!
    Я здесь, сюда коварный рок
    Из бурных волн, пучин и бездны
    Отбросил утлый мой челнок;
Я здесь, и звук знакомый и любезный
    Не тронет слуха моего;
Мой смутный взор и бледное чело
Опять зарей весны не просияют,
Уста мои — лишь ропот и печаль
    Невнятным звуком выражают...
Напрасно б взгляд бросал в безвестну даль,
Напрасно б ждал счастливой перемены:
Подземный стон, и вековые стены,
    Затвор железный, звук цепей
И тайный зов утраченных друзей
Меня и здесь тревожат в сновиденьи,
И отдаление в моем воображеньи
    Не истребит сей пагубной мечты,
    И все высокие картины
    Природы грозной красоты:
    Саяна снежные вершины,
И мрачный вид безвыходной тайги,
Бурана рев и лом, и треск реки,
Подавленной, стесненной в беге льдами,

И торосы, вскипевшие стенами,
Как вековых руин следы,
И племена рассеянной орды,
Полярных дикарей воинственные нравы,
Их разум гибкий и лукавый,
Коварный взгляд, нестройный звук речей;
Повсюду грабежи, убийства как забавы,
И резкие черты и буйный дух людей,
Которых страсти, заблужденье,
Гоненье, клевета, порок и преступленье,
Как крепкое к звену звено,
Сковали в общество одно...
Страна, где каждый дом есть книга приключений,
Где вся земля — отверженных есть дом,
Где Минихов и Меньшикова гений
Ни славой прежнею, ни лавровым венцом
Не различен убийц презренных с долей.
Всё это дивное для смелой кисти поле
Какой-то новостью еще блестит для глаз,
Но мой восторг давно в душе погас.
О милый друг! все прелести чужбины,
Все красоты волшебной сей картины
Не радуют: они не в родине моей.
Скажи, кому отдам сердечные томленья?
Кто мысль мою и тайные движенья
Души поймет? Чей сладкий звук речей
Вольет в больную грудь минутную отраду?
Кто руку даст изгнаннику, как брату?
С кем лето знойное я жизни разделю?
Кто скажет мне, потупя взор стыдливый
И руку сжав рукою боязливой,
Невнятным шепотом прекрасное «люблю».
Цветы поблекшие еще передо мною.

Мне их дала младая дева в дар,
И с ними чувств и тайной страсти жар;
Я взял цветы холодною рукою
И руку ей с признательностью сжал,
И девственную грудь с улыбкой целовал...
Я розы рвал... Но их благоуханье
Далеко ветр противный уносил.
Дерзну ль назвать минутное желанье,
Обманчивый восторг моих душевных сил
Любовью чистою и нежной?
Нет, нет. Любовь — одно мне с верой и надеждой,
Во мне их рок суровый умертвил!
Ты знаешь сам, мой друг, мои страданья,
Ты сам темничною заразою дышал...
Но долго ли твои продлились испытанья?
Ты тягость бытия одну минуту знал...
А я? Могу ль предать прошедшее забвенью!
Оставить всё, что сердце тяготит?
Не я ли веровал с улыбкой в провиденье?
В борьбе с судьбой упал мой хрупкий щит.
Исчезло всё!.. Под сводами темницы
Погиб мой дар с прелестною мечтой!
Невятен звук моей цевницы —
Согласен он с моей душой;
Дерзну ли трепетной рукой
Завесу истины ужасной
Поднять пред суетной толпой?
Сей труд бесплодный и опасный
Душевных ран не исцелит
И для изгнанника сиянье
Прошедших дней не возвратит;
Мое ужасно упованье!
Благая вера — вот мой щит,

Души отжившей ожиданья;
Давно прошли, как миг один,
Как сладкий сон, лета мои молодые —
И с ними радости земные...
Как счастья беспечный сын,
Близ лар под кровлею родною,
Довольный светом и судьбою,
В моем неведеньи я счастье находил!..
Как вольное дитя природы,
Я только неба видел своды;
И легкий утренний зефир
Эмблемой был моей свободы...
И славы дым, ее кумир,
Для глаз завистливых блестящий мишурую,
С поклонников безумною толпою
Души невинной не прельщал...
Тогда ни следствий, ни начал,
Добра, страстей и преступлений,
В хаосе споров, жарких прений,
Расторгнуть ум мой не алкал.
Мой взор беспечно созерцал
Лишь блеск светил в орбитах их движенья,
В лугах я свежих роз искал.
Не тайны дивной обновленья,
Не свист железа и свинца,
Не гром из медных жерл и стали,
Не лютый в битве клик бойца
Тогда мой робкий слух прельщали,—
Любил я сладостный напев,
Как май, веселых, сельских дев
Под звук задумчивой свирели,
Любил в тени густых дерев
Я слушать птичек нежных трели

Иль звонкий голос соловья...
Любил журчание ручья...
Любил вечернею порой у колыбели
С безмолвием внимать,
Как нежная, сквозь слезы, мать,
Прижав к груди младенца, прорекала
Разлуку с кровлею родной,
Борьбу с людьми, борьбу с судьбой
И провиденье умоляла
Младенцу дать удел благой!..
Прошло неведение святое!
Мой час пробил!.. В душе моей простой
Все страсти, спавшие в покое,
Вскипели бурною волной!
Недетский взор сквозь мрак густой
Я бросил к новой, тайной цели...
И радость скрылась от очей,
Как в тучах блеск дневных лучей,
Вдали я видел бледный свет,
И скорбь стесняла грудь, ланиты побледнели,
Поблек прекрасной веры цвет,
Сомненья срезанный косою.
О добродетель! пред тобой
Я пал во прах, я слезы лил
И с умилением молил
Отдать мне прошлое, отдать мне мир с собою!
С людьми я мира не просил,
Я их узнал, я их чуждался —
Приветов, ласки их боялся
И дружбы, как вражды крамольной, трепетал.
Я видел, как, укрыв отточенный кинжал,
Мне руки жмет с улыбкою лукавой
И крест на грудь кладет рукой еще кровавой

По человечеству мой брат!
Везде я слышал плач и жалобные стоны,
Я видел, как в пыли потоптаны лежат
Права народные, щит слабого — законы;
    С безмолвным трепетом раскрыл
    Я Клии крепкие скрижали,
    Но холодный пот чело мое покрыв,
Глубокие черты на обагренной стали
    Мне жребий царств, народов и царей,
    События грядущих дней
И настоящего в протекшем указали.
Давно мне этот мир — как степь безбрежная Сахары,
    Где дышит ветер песчаную волной,
    Как океан, где грозные удары
Валов не устают греметь над головой.
Мне этот край — одно пространное кладбище,
В котором ищет взор безбедного жилища
    Среди преступничьих гробов!
И мой ударит час всеобщую чредою,
    И знак сотрет с земли моих следов,
И снег завеет дерн над крышей гробовою;
Весной оттает снег, за годом год пройдет,
    Могильный холм сравняется с землею,
    И крест без надписи падет!..
Жестокий Крон безжалостной рукою
Разрушит гордые чертоги городов,
    Дела героев, мудрецов
    Туманною покрое тьмою,
    Иссушит глубину морей,
    Воздвигнет горы средь степей,
    И любопытный взор потомков
    Не тщетно ль будет вопрошать,
    Где царства падшие искать

Среди рассеянных обломков?..
Куда же мой ответит время прах?
Где денутся все призраки златые?
Куда отделится таинственное я?
Где будет след минутный бытия,
Надежды, суеты, желания земные?
Давно погребло всё, чего мой дух алкал!
Чего ж я жду с отжившею душою?
Кто к жизни мысль страдальца приковал?
И не в родстве ль давно я с прахом и землею?
Не время ли мне сделать шаг вперед
И снять покров с таинственной химеры?
В моих руках светильник чистой веры, —
Он свет в пути моем прольет!..

«ОНА ОДНА КАЗАЛАСЬ МНЕ МИЛА...»

Она одна казалась мне мила,
Как роза свежая весною;
Как роза юная, цвела
Вдали от света, бурь и зла
Она прекрасною душою.
Улыбка, легкий стан, ее убор простой —
Всё было зеркалом Авроры,
И в новом мире к ней одной
Невольно мрачные мои стремились взоры.
Всегда беспечна, весела,
Она казалась мне мила
Невинностью своей и детской простотою —
Всё в ней для глаз моих дышало красотою.
Стыдливость, детский страх, звук трепетный речей,
Ее рука в руке моей

И первый поцелуй дрожащими устами,
И нежное «люблю» вполголоса, с слезами,
Улыбка райская, вид девственный лица,
И всё для глаз, для чувств земное совершенство
Могли б вдохнуть небесное блаженство
В стальную грудь темничного жильца,
Могли б разжечь любви опасный пламень,
Но грудь моя была как камень.
О, сколько раз вечернею порой
Она мой кров убогий посещала
И думы гордые и ропот правый мой
Улыбкой детскою смирjala.

Поблек румянца цвет живой,
Прелестное чело задумчивость покрыла,
И тайная печаль грудь слабую стеснила!
Она жила надеждою одной,
Как срезанный цветок еще живет росой, —
Родных, забавы, свет для пришлеца забыла
И, к небу взор поднявши свой,
У неба мир душе молила.
Беспечная, зачем ты встретила со мной?
Зачем ты странника узнала?
Вся жизнь его загадка для тебя,
Ты с тайн его не снимешь покрывала.
Не встретишь с ним ты радостного дня!
И совесть мрачная, преследуя меня,
Душе холодной говорила:
Она живет теперь надеждою одной,
Как срезанный цветок живет еще росой, —
Родных, забавы, свет для пришлеца забыла!

И эта мысль летела вслед за ней

В печальную тайгу, на пажити полей,
Чрез волны быстрые за светлою струею
    И в мирный дом ее отца,
Где, бледная, она с растерзанной душою
    Молила за меня творца!
Беспечная, зачем ты странника узнала?
    Вся жизнь его загадка для тебя,
    Ты с тайн его не снимешь покрывала.
    Не встретишь с ним ты радостного дня.
Ты к сердцу не прижмешь дрожащею рукою
    Венчального кольца!
И в радости его безмолвного лица
На лоне роскоши не оросишь слезою.

Задумчивый, один повсюду пред собою
    Я видел дом ее отца,
Где, бледная, она с растерзанной душою
    Молила за меня творца!
    Но я не знал, что пламень потаенный
    Давно горел в душе моей,
    Я выше был судьбы своей
И весь бледнел пред девою смиренной...
Где ж твой обет, сын праха и земли?
Светильник твой над бездной роковою?
Что ж мрачные твои гаданья прорекли?
    Ты дышишь вновь любовию земною!

Она моя, она теперь со мною,
    Неразделенное одно!
    Ее рука с моей рукою,
    Как крепкое с звеном звено!
Она мой путь, как вера, озарила.
    Как дева рая и любви,

Она сказала мне отрадное «живи!»
И раны сердца залечила!
Упал с души моей свинец,
Ты мне дала ключи земного рая —
Возьми кольцо, надень венец,
Пойдем вперед, сопутница младая!

**«КОГДА ТЫ БЫЛ МЛАДЕНЦЕМ В
КОЛЫБЕЛИ...»**

Когда ты был младенцем в колыбели
И голосом невинным лепетал,
Кто жизни план младенцу начертал,
Назначил кто твой путь к опасной цели?
В объятиях кормилицы своей
Ты напрягал бессильные ручонки
И с криком разрывал, как цепь, свивальник тонкий!
Кто первый смысл родил в золотой душе твоей
О вольности и тяжести цепей?
В объятиях кормилицы твоей
Ты различал неволю от свободы...
И небо ясное любил...
И ненавидел...

«НЕ С БОЛИЮ, НО С РАДОСТЬЮ ДУШЕВНОЙ...»

Не с болюю, но с радостью душевной
Прощаюсь я с тобой, листок родной.
Как быстрый взгляд, как мысли бег живой,
Из хижины убогой и смиренной
Лети туда, где был мой рай земной.

Ты был со мной, свидетель жизни мрачной
Изгнанника в суровой сей стране,
Где дни его в безвестной тишине
Текут волной то мутной, то прозрачной.

Здесь берег мой, предел надежд, желаний,
Гигантских дум и суетных страстей;
Здесь новый свет, здесь нет на мне цепей —
И тихий мир, взамену бед, страданий,
Светлеет вновь, как день в душе моей.

Она со мной, подруга жизни новой,
Она мой крест из рук моих взяла,
Рука с рукой она со мной пошла
В безвестный путь — в борьбу с судьбой суровой.
Мой милый друг! Без веры крепкой нет
Небесных благ и с миром примиренья.
В завет любви, и веры, и терпенья
Возьми его. И ангельский привет,
С мольбой в устах, и взор младенца нежный,
Как узнику прекрасный солнца свет,
Блеснул в душе отрадною надеждой.

Я знаю: здесь, в изгнании от людей,

Не встречу я живых объятий друга,
Не буду жать руки сестры моей,
Но кроткая и юная супруга,
С дитятею страданий на руках[51],
Укажет мне улыбкой иль слезою,
Как тяжкий крест терновою стезею
Безропотно нести на раменах...

ДУМА («Шуми, шуми, Икаугун...»)

Шуми, шуми, Икаугун,
Твой шум глухой, однообразный
Слился в одно с толпою дум,
С мечтой печальной и бессвязной!

Далеко мой стремится взор
Чрез эти снежные вершины,
Гряды гранитных стен и гор,
На отдаленные равнины.

Кто их увидит, кто найдет?
Один орел под облаками...
Для нас здесь неба ясный свод
Закрыт утесами, лесами.

Зачем же ты, пришлец, сменял
Свои прелестные долины
На дикий лес, громады скал,
На эти мрачные теснины?

Зачем оставил дом, детей,
Привет их, ласковые взоры
И непритворный смех друзей?

Зачем принес твой ропот в горы?

Не сам ли ты себе сказал,
Любуясь дикою природой:
«Средь этих гор, гранитных скал
Дышу я силой и свободой!»

Ты здесь нашел привет родной
И жизни хилой обновенье;
Ты сам воздвиг сей крест святой
В завет любви и примиренья!

Здесь всё в согласии с душой
Твоею мрачной, своевольной,
Здесь нет людей, ты сам с собой!
Чего ж желаешь, недовольный?

В вершинах гор гремит перун,
Прибрежных скал колебля своды...
Внизу шумит Икаугун,
Ревут его в утесах воды...

Зачем они кипят струей,
Куда, белея пеной снежной,
Как бурей взломанной стезей,
Несут свой шум, разбег мятежный?

Спроси природу — где устав
Для сил надменных и свободы?
Они не знают наших прав,—
Здесь горы, каменные своды

И зимний лед их волю жмут;

С вершин гранитного Саяна
Они летят, они бегут
К брегам привольным океана!

Кто ж остановит вечный бег?
О, сколько власти, воли, силы
Себе присвоил человек,
Пришлец земли, жилец могилы.

Прости, ключ жизни, ключ святой,
С обетом мира и надежды
Пришлец прощается с тобой!
Сын рока, волей неизбежной

Он призван рано в мир страстей...
Прошли темничной жизни годы,
И эти каменные своды
Во тьме две тысячи ночей
Легли свинцом в груди моей.

Текут вперед изгнания годы,
Всё те же солнце и луна,
Такая ж осень и весна,
Всё тот же гул от непогоды.

И та же книга прошлых лет,
В ней только прибыли страницы,
В умах всё тот же мрак и свет,
Но в драме жизни — жизни нет,
Предмет один, другие лица...

Прости ж, ключ жизни, ключ святой.
Твои я пил целебны воды

И снова жизнью и весной
Дышал, как юный сын природы!

Вдали от света, от людей
Здесь всё, как в родине моей,
Светлело южною зарею;
Забилось сердце веселей —
И в темной памяти моей
Минуты счастья прежних дней
Блеснули яркою чертою...

И всё вокруг меня цвело,
И думы гордые молчали,
И сон страстей изображали
Уста и бледное чело.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ДУМА

(«**Меня жалеть?.. О люди, ваше ль дело?..»**)

Меня жалеть?.. О люди, ваше ль дело?
Не вами мне назначено страдать!
Моя болезнь, разрушенное тело —
Есть жизни след, душевных сил печать!

Когда я был младенцем в колыбели,
Кто жизни план моей чертил,
Тот волю, мысль, призыв к высокой цели
У юноши надменного развил.

В моих руках протекшего страницы —
Он тайну в них грядущего мне вскрыл:
И, гость земли, я, с ней простясь, входил,
Как в дом родной, в мои темницы!

И жизнь страстей прошла как метеор,
Мой кончен путь, конец борьбы с судьбою;
Я выдержал с людьми опасный спор
И падаю пред силой неземною!

К чему же мне бесплодный толк людей?
Пред ним отчет мой кончен без ошибки;
Я жду не слез, не скорби от друзей,
Но одобрительной улыбки!

«МОЙ МИЛЫЙ ДРУГ, ТВОЙ ЧАС ПРОБИЛ...»

Мой милый друг, твой час пробил,
Твоя заря вошла для света;
Вдали — безвестной жизни мета
И трудный путь для слабых сил.
Теперь в твои святые годы
Явления чудные природы:
Блеск солнца в радужных лучах,
Светило ночи со звездами
В неизмеримых небесах,
Раскаты грома за горами,
Реки взволнованный поток,
Луга, покрытые цветами,
Огнем пылающий восток...
Зовут твой взор, твоё вниманье,
Тревожат чувства и мечты;
Ты дышишь миром красоты,
И мир — твоё очарованье!..

Твой век младенческий, как день,
Прошел, погас невозвратно;
В незрелой памяти, как тень,
Исчезнет жизни след счастливый.

Тебя вскормила в пеленах
Не грудь наемницы холодной —
На нежных матери руках,
Под властью кроткой и природной,
Ты улыбаясь выросла.
Ты доли рабской не видала,
И сил души не подавляла
В тебе печальная нужда.

Отец, забывши суд людей,
Ночные думы, крест тяжелый,
Играл, как юноша веселый,
С тобой в кругу своих детей.
И луч безоблачной денницы
Сиял так светло для тебя!
Ты знала только близ себя
Одни приветливые лица,
Не как изгнанника дитя,
Но как дитя отца-счастливец!

И ты узнаешь новый свет,
И ты, мой друг, людей увидишь;
Ты встретишь ласки и привет
И голос странный их услышишь.
Там вечный шумный маскарад,
В нем театральные наряды,
Во всем размер, во всем обряды,
На всё судейский строгий взгляд —
Ты не сочтешь смешной игрою,
Торговлей лжи, набором слов,
Поддельной, грубой мишурою
И бредом страждущих голов...
Нет, для тебя блестит, алеет
И дышит мир еще весной,
Твой лик невинный не бледнеет
И не сверкает взор враждой.

А я в твои молодые годы
Людей и света не видал...
Я много лет не знал свободы,
Одних товарищей я знал
В моем учебном заключеньи,

Где время шло как день один,
Без жизни, красок и картин,
В желаньях, скуке и ученьи.
Там в книгах я людей и свет
Узнал. Но с волею мятежной,
Как видит бой вдали атлет,
В себе самом самонадежный
Пустил чрез океан безбрежный
Челнок мой к цели роковой.
О друг мой, с бурей и грозой
И с разъяренными волнами
Отец боролся долго твой...
Он видел берег в отдаленьи,
Там свет зари ему блистал,
Он взором пристани искал
И смело верил в провиденье,
Но гром ударил в тишине...
Как будто бы в ужасном сне
На бреге диком и бесплодном,
Почти безлюдном и холодном,
Борьбой измученный пловец
Себя увидел, как пришлец
Другого мира.

В свете новом,
Своекорыстном и суровом,
С полудня жизни обречен
Нести в молчаньи рабском он
Свой крест без слез, без укоризны,
И не видать своих друзей,
Своих родных, своей отчизны,
И все надежды юной жизни
Изгнать из памяти своей...
О, помню я моих судей,

Их смех торжественный, их лица
Мрачнее стен моей темницы
И их предательский вопрос:
«Ты людям славы зов мятежный,
Твой ранний блеск, твои надежды
И жизнь цветущую принес,
Что ж люди?»»

С набожной мечтою
И с чистой верой — не искал
Я власти, силы над толпою;
Не удивленья, не похвал
От черни я бессильной ждал;
Я не был увлечен мечтою,
Что скажут люди — я не знал!

О добродетель! где ж непрочный
Твой гордый храм, твои жрецы,
Твои поклонники-слепцы
С обетом жизни непорочной?
Где мой кумир, и где моя
Обетованная земля?
Где труд тяжелый и бесплодный?
Он для людей давно пропал,
Его никто не записал,
И человек к груди холодной
Тебя, как друга, не прижал!..
Когда гром грянул над тобою —
Где были братья и друзья?
Раздался ль внятно за тебя
Их голос смелый под грозою?
Нет, их раскрашенные лица
И в счастье гордое чело
При слове казни и темницы

Могильной тенью повело...

Скажи, чем люди заплатили
Утрату сил, души урон
И твой в болезнях тяжкий стон
Какою лаской облегчили?
Какою жертвой окупили
Они твой труд и подвиг твой?
Не ты ль, как мученик святой,
Молил изгнания, как свободы?
В замену многих тяжких лет
Молил увидеть солнца свет,
И не темниц, а неба своды?

И что ж от пламенных страстей,
Надежд, возвышенных желаний,
Мольбы и набожных мечтаний
В душе измученной твоей
Осталось?

Вера в провиденье,
Познание верное людей,
Жизнь без желаний, без страстей,
В болезнях сила и терпенье,
Всё та же воля, как закон,
Давно прошедшего забвенье
И над могилой сладкий сон!

Вот, друг мой, книга пред тобою
Протекшего. Ты видишь в ней
Мою борьбу с людьми, с судьбою
И жизнь труда, терпенья и страстей.
Не видел я награды за терпенье
И цели я желанной не достиг,

Не встретил я за труд мой одобренья,
Никто не знал, не видел слез моих.
С улыбкой я несу на сердце камень,
Никто, мой друг, его не приподнял,
Но странника везде одушевлял
Высоких дум, страстей заветный пламень.

Печальный сон, но ясно вижу я,
Когда, людей еще облитый кровью,
Я сладко спал под буркой у огня, —
Тогда я не горел к высокому любовью,
Высоких тайн постигнуть не алкал,
Не жал руки гонимому украдкой
    И шепотом надежды сладкой
    Жильцу темницы не вливал...
Но для слепца свет свыше просиял...
И всё, что мне казалось загадкой,
Упрек людей болезненный сказал...
И бог простил мне прежние ошибки,
Не для себя я в этом мире жил,
И людям жизнь я щедро раздарил...
Не злата их — я ждал одной улыбки.
И что ж они? Как парий, встретил я
Везде одни бледнеющие лица,
И брат и друг не смел узнать меня;
Но мне блистал прекрасный луч денницы,
    Как для других людей;
Я вопрошал у совести моей
    Мою вину... она молчала,
И светлая заря в душе моей сияла!..

Бог видел всё... Он труд мой освятил...
Он мне детей, как дар святой, заветный,

Как мысль, как цель, как мира ветвь вручил!
Итак, мой друг, я волей безотчетной
И мысль и цель тебе передаю.
Тот знает их, кто знает жизнь мою.
Я эту жизнь провел не в ликованьи.
Ты видела — на розах ли я спал;
Шесть лет темничною заразою дышал
И двадцать лет в болезнях и в изгнании,
В трудах для вас, без меры, выше сил...
Не падаю, иду вперед с надеждой,
Что жизньню тревожной и мятежной
Я вашу жизнь и счастье оплатил...
Иди ж вперед, иди к призванью смело,
Люби людей, дай руку им в пути,
Они слепцы, но, друг мой, наше дело
Жалеть о них и ношу их нести.
Нет, не карай судом и приговором
Ошибки их. Ты знаешь, кто виной,
Кто их сковал железною рукой
И заклеил и рабством и позором.

Не верь любви ласкательным словам,
Ни дружества коварным увереньям,
Ни зависти бесчестным похвалам,
Ни гордости униженной — смиренью.
Не доверяй усердию рабов:
Предательство — потребность рабской доли...

Не преклоняй главы для сильной воли,
Не расточай в толпе бесплодных слов...
Иди вперед... прощай другим пороки,
Пусть жизнь твоя примером будет им,
И делом ты и подвигом святым

Заставишь чтить и понимать уроки.
Ты мир пройдешь поросшею стезей,
Но не бледней пред тайной клеветою,
Не обличай пред наглою толпою
Борьбу души невольною слезой.
Будь выше ты бессмысленного мненья...
И люди, верь, прочтут с благоговеньем
В глазах твоих спасительный упрек...

Я знаю сам, трудна твоя дорога,
Но радостно по ней идти вперед,
Тебя не звук хвалы кимвальной ждет,
    Но милость праведного бога!..

Когда я в мир заветный отойду,
Когда меня не будет больше с вами,
Не брошу вас, я к вам еще прийду
И внятными знакомыми словами
К отчету вас я строго призову.
От вас мои иль вечные страданья,
Иль вечное блаженство — всё от вас.
Исполните надежды и призванье —
И труд земной пройдет как день, как час
Для нераздельного небесного свиданья.